

**ИГОРЬ
ПРЕЛИН**

**АВТОГРАФ ПРЕЗИДЕНТА
РОМАН – ВОСПОМИНАНИЕ**

**ТАЙНЫЙ
ФРОНТ**

Игорь Николаевич Прелин

Автограф президента.

Роман-воспоминание

Серия «Тайный фронт»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67935810

*Автограф президента:
ISBN 978-5-00180-707-0*

Аннотация

Михаил Вдовин – опытный разведчик – работает под прикрытием советского посольства в одной из стран НАТО, и там сотрудник ЦРУ Ричард Палмер пытается его завербовать. В результате оперативной игры советской разведке удастся добыть документ, компрометирующий американского президента, и нейтрализовать вмешательство США в крупную внешнеполитическую акцию СССР...

Автор 30 лет прослужил в советских органах госбезопасности, в т. ч. более 20 лет во внешней разведке. Не имея возможности по соображениям секретности использовать документальные материалы, автор выбрал жанр «роман-воспоминание». Опираясь в своей работе на реальные события и факты, он изменил фамилии действующих лиц, время и место действия.

Содержание

От автора	5
Глава 1	10
Глава 2	31
Глава 3	56
Глава 4	89
Конец ознакомительного фрагмента.	111

Игорь Николаевич Прелин

Автограф президента

© Прелин И. Н., 2022

© ООО «Издательство Родина», 2022

От автора

Потомки, историки, которые будут определять место двадцатого столетия в истории человечества, наверняка будут испытывать немалые затруднения в выборе события или явления, которое могло бы претендовать на доминанту этого удивительного и бурного века и дать ему свое название. И наверняка предложат различные варианты: век великих социальных потрясений, самых разрушительных и кровопролитных в истории человечества войн, век ядерной энергии, космоса и кибернетики, век информации, человеконенавистнических теорий и осознания единства человечества.

Возможно, я пристрастен, но мне кажется, что кто-нибудь предложит назвать двадцатый век веком специальных служб, признав тем самым их роль и значение в политике, экономике, идеологии. Во всяком случае, если так случится, я совсем не удивлюсь: конечно, история минувшего столетия не сводится лишь к истории борьбы разведок и контрразведок, но, право же, первая без последней теряет слишком много! И в самом деле, что такое век информации без разведки?!

Словом, объективный, всесторонний, глубокий и (хотелось бы!) профессиональный разговор о спецслужбах, их деятельности, роли и месте в современном политическом устройстве мира, обеспечении государственного суверенитета – это реальная потребность мирового сообщества. А

профессиональный разговор без профессионалов – все равно, что свадьба без жениха.

Я уверен, ни у кого не вызывает сомнения, что в разговоре о спецслужбах никак не обойти Комитет госбезопасности СССР, который, независимо от отношения к нему, бесспорно, являлся одним из самых могущественных и авторитетных ведомств и в течение многих лет оказывал определяющее влияние на расстановку сил в мире специальных служб.

За годы, прошедшие после распада СССР, о советских органах государственной безопасности как в России, так и за рубежом написано и сказано столько, сколько не было написано и сказано за всю их предшествующую историю. Возникает законный вопрос: а можно ли сегодня сказать что-то новое, после того как на протяжении многих лет тема КГБ не сходила со страниц газет и журналов, а телевизионная передача без очередной «сенсации», связанной с КГБ, выглядела, как обед без десерта?

Но если непредвзято проанализировать все эти публикации и передачи, то сразу бросается в глаза, что в них отсутствовал «взгляд изнутри», которым обладают только настоящие профессионалы, поскольку авторами подавляющего большинства из них являлись люди, как правило, весьма далекие от понимания специфики и проблем спецслужбы, наивно полагавшие, будто бы о разведке и контрразведке может судить каждый, кто прочитал хотя бы парочку «шпионских» романов.

В числе же авторов, которых можно отнести к профессионалам, к сожалению, попадались и такие, кто отнюдь не являлся гордостью и украшением КГБ, поскольку покинули они это ведомство не по своему желанию, а по причинам дискредитирующего и иного, не заслуживающего уважения характера. Жгучая обида за испорченную карьеру или неудовлетворенные амбиции застилают глаза и совесть таким авторам, где уж тут рассчитывать на их объективность и честность!

Вот такие соображения и навели меня на мысль сесть за письменный стол и рассказать о том, чему довелось быть свидетелем или участником за тридцатилетнюю службу сначала в контрразведке, а затем в разведке КГБ.

Конечно, в моей ситуации следовало бы писать, опираясь на подлинные события и реальных действующих лиц. Но по многим соображениям, в том числе из-за отсутствия согласия моих коллег и других ныне здравствующих людей быть упомянутыми в моем повествовании, а также до истечения «срока давности» я был вынужден отказаться от соблазнительной возможности обратиться к документальным материалам разведки и выбрать форму художественного повествования, придумав всех действующих лиц и изменив место и время действия, чтобы невозможно было провести исторические аналогии, а заодно используя предоставленное автору право на художественный вымысел, хотя я искренне старался этим правом не злоупотреблять.

Да и не было необходимости напрягать воображение: за тридцать лет службы в КГБ произошло столько всего примечательного, что главная проблема для меня состояла в том, какой факт удостоить внимания, а какой нет.

Мне остается только напомнить, что все, о чем я написал, происходило в те не столь давние времена, когда в нашей стране действовали другие законы и были совсем иные условия, и обе стороны, противоборствовавшие в «холодной» войне, отдавали предпочтению «образу врага», а об «образе друга» никто и думать не смел. И хотя с тех пор в стратегии и тактике «тайной войны», которая, несмотря на раздающиеся иногда фальшивые призывы к миролюбию, не только не прекращается ни на один день, но с каждым днем все более обостряется, практически ничего не изменилось, я допускаю, что отдельные эпизоды нашего недавнего прошлого будут неоднозначно восприняты определенной частью читателей.

Найдутся, наверняка, и такие, чье отношение к описанным событиям разойдется со взглядами автора. Ну что ж, это закономерно! Действительно, многое из того, о чем я написал, как говорится, не для слабонервных, многие мои рассуждения, безусловно, далеко не бесспорны. Но я не стал ничего приукрашивать, памятуя, что мир специальных служб жесток и безжалостен по самой своей природе и далеко не каждый согласится и сможет в них работать прежде всего по своим нравственным убеждениям.

Но правда и то, что во всем мире на работу в спецслужбы принимают исключительно на добровольной основе и предлагают эту нелегкую и неблагодарную работу далеко не каждому!

Все что я написал и еще напишу в своей жизни, я посвящаю моим товарищам по оружию, честно выполнявшим свой долг, – живым и павшим..

1989–2021 гг.

Глава 1

В действительности все было совсем не так, как на самом деле.

Станислав Ежи Лец

Звонок в дверь квартиры раздался в тот момент, когда я стоял под душем. Упругая струя прохладной воды массировала мое тело, снимая накопившиеся за день усталость и раздражение, и я испытывал непередаваемое блаженство.

Десять минут назад я вернулся домой после того, как провёл в генконсульстве душевную беседу с двумя моряками советского торгового флота.

Я подцепил их довольно далеко от морского порта. Надо заметить, что я никогда не кичился своим положением дипломата, охотно подвозил соотечественников и оказывал им другие услуги, выходящие за рамки моих служебных обязанностей.

Этих двоих я заметил, еще стоя у светофора, и сразу определил в них советских моряков. Я научился этому за многие годы пребывания за границей и, подобно местным торговцам, практически никогда не ошибался. Впрочем, это было не слишком сложно. Они могли натянуть на себя самые модные заграничные тряпки, вести себя предельно раскованно и даже нагло, изображая иностранцев, но все равно бы-

ло видно, что еще совсем недавно они бегали босиком где-нибудь по Нечерноземью или по Левобережной Украине.

Конечно, командный состав наших судов заграничавания по своему внешнему виду соответствовал международным стандартам, и мне приходилось встречать таких офицеров, которые практически ничем не отличались от настоящих иностранцев. Но офицеры большей частью выходили в город в форме или во главе групп, составленных из тех же бывших сельских жителей, и эта компания сразу выдавала их с головой.

Перед моими глазами мельтешили «дворники», но все равно эти двое привлекли мое внимание, может быть, именно потому, что были не в группе, а вдвоем. Бедняги мокли под противным февральским дождичком на проезжей части улицы, чего никогда себе не позволят уважающие себя граждане даже какой-нибудь развивающейся страны, и ловили такси или попутного «левака», подобно тому, как они это делали в любом из советских городов. Проносившиеся мимо лимузины обдавали их водяной пылью, и мне стало жалко этих простодушных ребят, явно обалдевших от западной цивилизации. Я решил помочь им, а заодно и выяснить, почему они оторвались от своей группы. Когда я лихо тормознул, не доехав до них нескольких футов, они радостно загоготали, потом тот, что был в лыжной шапочке и красной куртке с надписью «Феррари» на обоих рукавах, на малопонятном мне языке произнес какую-то фразу, из которой я

понял только слово «плиз» и то, что им нужно в центр города. А там, между прочим, были расположены не только магазины и те заведения, что называются значными местами, но и управление полиции, американское посольство и много других не менее интересных учреждений.

Переспрашивать морячка я не стал – их намерения проехать в центр города были мне и так понятны. Пребывая в отличном расположении духа, вызванном только что удачно прошедшим разговором с одним очень интересным иностранцем, я решил не только выполнить их невнятную просьбу, но и немножко их разыграть. Я произнес в ответ изысканную и любезную фразу, из которой, я в этом ни секунды не сомневался, они тоже, как и я, но совсем по другой причине уловили только слово «плиз», и открыл им заднюю дверцу.

Они плюхнулись сзади, прижав к груди небольшие черные сумочки с наклеенными на них британскими и французскими флажками, и мы поехали. Освоившись на кожаном сиденье, морячок, который первым вступил со мной в переговоры, на вполне доступном моему пониманию диалекте, состоявшем из невообразимо очаровательной смеси русских и украинских слов, стал обсуждать волновавшую их обоих проблему.

Прошла еще минута, и я четко уяснил, что они едут в одно хорошо знакомое мне место, чтобы совершить там меновую сделку, причем речь шла не о какой-то там «школе»,

что на языке моряков торгового флота означало радиотехнику, шмотки и прочие предметы ширпотреба, а об обмене на твердую валюту кое-каких ценностей, добытых ими в родных краях, незаконно вывезенных за границу и, по-видимому, находившихся в данный момент в их черных сумочках с иностранными флажками.

В самый разгар этой беседы второй морячок, тоже в лыжной шапочке, но в сине-белой куртке со множеством фирменных надписей, спохватился и, кивнув в мою сторону (мне это хорошо было видно в зеркало заднего вида), намекнул на то, что они поступают неосмотрительно, доверяя свои коммерческие секреты третьему лицу.

Его товарищ беззаботно рассмеялся и сказал:

– Да брось ты, Гриша, все равно этот козел ни черта не понимает по-русски! – и они продолжили свой разговор.

Я спокойно отнесся к тому, что меня так незаслуженно оскорбили в ответ на мою любезность. В том, что эти любители поживиться за счет непреодолимых различий в валютно-финансовых системах загнивающего капитализма и развитого социализма приняли меня за иностранца, не было ничего удивительного. Я ехал на автомашине марки «Вольво» и, как полагается, был одет во все иностранное. Правда, я не носил лыжных шапочек и фирменных курток невероятных расцветок. На мне было скромное кожаное пальто с погончиками на плечах, из-под которого виднелась белая сорочка и шелковый галстук. И все же, думаю, главная причина состо-

яла в том, что я ответил им на весьма приличном английском языке: прежде чем оказаться за границей, я прошел довольно длительную подготовку в одном малоизвестном мировой, да и советской общественности учебном заведении закрытого типа, где преподают не только иностранные языки, но и многое другое, что и вынудило сделать его закрытым.

...Судьба моя, правда, сложилась несколько иначе, чем планировалось вначале, но совсем не потому, что я был нерадивым учеником и не оправдал надежд моих наставников, о которых я постараюсь позднее рассказать. Во время прохождения нелегальной стажировки в одной уютной европейской стране произошла одна из тех неожиданностей, которые, к сожалению, довольно часто и совсем некстати нарушают наши жизненные планы.

Мне предстояло совершить небольшую ознакомительную «экскурсию» в страну моей будущей работы и немного там «акклиматизироваться». Однако курьер, которому было поручено доставить мне все необходимые документы для этой поездки, попал в автомобильную катастрофу. Вины его в том никакой не было, на него налетел грузовик с одной из расположенных в Европе американских военных баз, за рулем которого находился пьяный сержант.

Сержант отделался легким испугом, потому что у грузовика, сработанного на заводах Форда, был крепкий бампер, а вот легковушка нашего курьера такого бампера не имела,

но, даже несмотря на существенные различия в конструкции столкнувшихся автомобилей, все бы, наверное, обошлось, если бы легковушка не вспыхнула.

Люди, пытавшиеся вытащить находившегося в полубес-сознательном состоянии курьера из покореженной машины, отступили, и он на их глазах сгорел. Это было потом во всех подробностях расписано в газетах. Вместе с курьером сгорели его документы, и его личность так и не была установлена.

Для меня эта трагическая история, как я уже намекнул, кончилась тем, что мне пришлось срочно возвращаться в Москву. Дело в том, что мой паспорт, с которым я собирался отправиться на «экскурсию» и в котором, естественно, была наклеена моя фотография, находился в негоряемом ящичке, вмонтированном в кузов машины, и сгореть поэтому не мог. Было не известно, насколько тщательно полиция осмотрела обгоревшие останки машины, чтобы выяснить все же, кем был ее водитель, нашла ли этот ящичек и извлекла ли из него мой паспорт, или после составления соответствующего протокола машина была сразу же отправлена на свалку.

Мою поездку решили отложить и постараться выяснить, буду ли я объявлен в международный розыск или нет. Но, поскольку прямых доказательств того, что этот паспорт принадлежит разведчику, а не торговцу наркотиками или другому представителю преступного мира, у полиции не было, она вполне могла и не объявлять розыск, а просто поставить меня на учет, как подозрительную личность. Как бы то ни

было, опасность провала была вполне реальной, и рисковать не стали.

Меня перевели в управление внешней контрразведки, и с тех пор я стал ездить за границу с дипломатическим паспортом...

Случай с моряками, когда меня приняли за иностранца, был далеко не единственным. Однажды меня спутали с итальянцем, хотя я ни тогда, ни сейчас не говорю по-итальянски. Я думаю, мне не составило бы большого труда выучить и итальянский язык, если учесть, что, кроме английского, я прилично владею еще двумя языками романской группы, но в этом, как у нас говорят, не было оперативной необходимости: за многие годы на мою профессиональную орбиту не забрасывало ни одного итальянца.

Произошло это в одной бывшей французской колонии, где я работал во время первой заграникомандировки. Французы по-прежнему чувствовали там себя вольготно. Только в столице их проживало несколько десятков тысяч. У них был свой культурный центр, спортивный клуб и еще несколько частных клубов, или, как их теперь называют, «клубов по интересам», и мне ужасно захотелось вступить в какой-нибудь из этих клубов, потому что французы, надо отдать им должное, умеют прекрасно организовывать свой досуг, и, кроме того, я всегда испытывал к Франции и ее народу большую симпатию. У меня до сих пор стоит перед глазами незабы-

ваемая процедура открытия X зимних Олимпийских игр в Гренобле, на которых мне посчастливилось присутствовать, в моих ушах до сих пор звучит усиленное динамиками биеие сердца знаменитого фигуриста Алена Кальма, поднимающегося с факелом к чаше, чтобы зажечь олимпийский огонь, и густой, рокочущий голос президента Франции генерала Шарля де Голля, объявляющего об открытии Олимпиады.

Кроме личных симпатий у меня были и кое-какие деловые соображения. Надеяться на вступление в один из «клубов по интересам» мне было сложно, потому что мои интересы, по правде говоря, несколько выходили за рамки предусмотренных клубным уставом, а вот на вступление в спортивный клуб я вполне мог рассчитывать. В один из воскресных дней, прочитав накануне в газете объявление о том, что спортивный клуб проводит соревнования по пулевой стрельбе, я отправился в городской тир.

Соревнования еще не начались, и я скромно встал в сторонке и стал присматриваться к стрелкам, судьям и зрителям. Поскольку на соревнования по стрельбе ходит вполне определенная категория любителей этого вида спорта и все собравшиеся в этот день в тире знали друг друга, мое появление не осталось незамеченным. Вскоре ко мне подошел плотный пятидесятилетний мужчина с волевым лицом, представился президентом спортклуба и любезно поинтересовался, что привело меня в тир.

Я был не менее любезен и ответил, что приехал в страну пару месяцев назад, у себя на родине увлекался стрельбой, хотя, если быть совсем точным, стрелком я стал после того, как по возрасту вынужден был оставить современное пятиборье.

Президент очень обрадовался, сказал, что в их спортивном клубе культивируется не только стрельба, но и конный спорт и фехтование, поэтому я смогу заниматься почти всеми любимыми мною видами спорта. Он подвел меня к оформленному с чисто французской фантазией щиту, на котором были зафиксированы рекорды стрелкового клуба (надо сказать, что они были и рекордами этой страны, потому что коренное население получило независимость в результате политических манипуляций, без вооруженной борьбы, и поэтому не имело возможности, как в некоторых других колониях, поупражняться в стрельбе), и с гордостью указал на два из них, которые были установлены им лично. Так я узнал его фамилию.

Затем президент спросил, какие результаты в стрельбе показывал я и в каких соревнованиях мне доводилось участвовать. Я честно назвал свои лучшие результаты, и поскольку рекорды стрелкового клуба были на уровне нашего первого разряда, а я стрелял из короткоствольного оружия чуть лучше нормы кандидата в мастера, то мои результаты произвели на президента большое впечатление. Мне даже показалось, что он в какой-то миг пожалел о том, что обратился ко

мне, так как почувствовал реальную угрозу установленным им рекордам. Но потом он, видимо, вспомнил, что я пятиборец, и подумал, что меня от стрельбы отвлекут другие виды, входящие в эту спортивную дисциплину. А может, мне это только показалось.

Я также сказал президенту, что однажды участвовал в чемпионате своей страны по стрельбе и занял тридцать восьмое место. Он посмотрел на меня с явным недоверием, причину которого я узнал несколько позже. У меня не было особых поводов хвастать своими спортивными достижениями. Больших высот я в спорте не добился, если не считать высотой мастерский норматив, но никогда к этому особенно и не стремился, поскольку всегда смотрел на спортивные занятия только через призму своей будущей профессиональной деятельности.

Но даже после весьма сдержанного описания моей спортивной карьеры президента так увлекла перспектива заполучить в свой клуб сильного спортсмена, что он с большой настойчивостью стал предлагать мне немедленно вступить в клуб, обещая оказать всяческое содействие и даже позаботиться об обязательных в подобных случаях рекомендациях.

Я тоже этого очень хотел, но, руководствуясь профессиональными соображениями, проявил сдержанность и уклончиво ответил, что не догадался привезти с собой инвентарь и поэтому затрудняюсь сразу дать определенный ответ.

Президент обещал помочь и в этом деле, заявив, что кое-

какой инвентарь можно купить в местных магазинах, остальное выписать из Франции.

Я продолжал колебаться, и тогда президент пригласил меня после соревнований отобедать в его компании и продолжить разговор. Эта идея меня увлекла, и я согласился. Он был обрадован и на радостях предложил мне, если я, конечно, не против, принять участие в судействе. К его явному удовольствию, я принял и это предложение и очень быстро доказал, что в обществе «Динамо» мне не зря присвоили судейскую категорию. Квалифицированное судейство еще больше укрепило мою репутацию.

Все было превосходно, если не считать того, что меня несколько смутил энтузиазм, с которым президент предлагал вступить в клуб сотруднику советского посольства. Но потом я решил, что у меня еще будет время все обдумать, а пока надо принимать все как есть. В конце концов я ведь и сам искал возможность вступить в этот клуб.

После соревнований целая кавалькада машин отправилась на виллу президента. Среди приглашенных оказались спортивный директор клуба, казначей, несколько членов правления. Меня, конечно, больше интересовали не их общественные нагрузки, а занимаемое ими служебное положение в государственных и прочих учреждениях, но я не проявлял излишнего любопытства, резонно полагая, что со временем, когда я стану их одноклубником, они сами мне с удовольствием все расскажут.

Пока жены приглашенных помогали хозяйке накрывать на стол, не обращая никакого внимания на собственных детей, придумавших какую-то игру и, совсем как наши ребяташки, с воплями носившихся по дому и прилегающей к нему территории, мужчины уселись в кресла вокруг низенького столика и занялись преприятнейшим делом, которое в «свободном» мире получило название «аперитив».

Эта процедура сопровождается обычно неторопливой светской беседой и весьма заметно отличается от посиделок в каком-нибудь российском городке, потому что в руке у каждого собеседника не граненый стакан с водкой, а тонкий и высокий стакан с нарисованными парусниками или автомобилями в стиле «ретро», наполненный каким-нибудь сильно разбавленным напитком и кусочками льда, а сама беседа называется «дискуссией». Я запомнил это на всю оставшуюся жизнь после того, как однажды знакомый француз поправил меня, когда я предложил ему посидеть в баре и поболтать.

Он сказал так:

– Мишель, никогда не употребляй это слово! Болтать – это женское занятие, а мужчины всегда дискутируют!

Так вот, во время этой дискуссии казначей, оказавшийся, кстати, исполнительным директором крупного банка, спросил меня:

– Месье, а по какому контракту ООН вы здесь работаете? Его вопрос несколько удивил меня, и я ответил, что я не

международный чиновник, а сотрудник посольства.

– Прошу прощения, месье, – в свою очередь удивился казначей, – но почему же я вас тогда не знаю? Я регулярно бываю в вашем посольстве, знаю всех, кто там работает, но вас никогда не видел.

Эти слова не на шутку меня озадачили, и я стал лихорадочно соображать, как это ему удастся без ведома офицера безопасности регулярно бывать в нашем посольстве, да еще всех там знать? Не найдя удовлетворительного ответа, я решил уточнить.

– А какое посольство вы имеете в виду?

Теперь снова пришла очередь удивляться казначею. Со свойственной некоторым французам экспансивностью он всплеснул руками и ответил:

– Как это какое? Разумеется – итальянское!

И тут я сообразил, почему президента удивило, что я с почти мастерским результатом занял только тридцать восьмое место в первенстве моей страны. Он-то тоже, видимо, имел в виду Италию, а там с моим результатом я наверняка занял бы более высокое место.

Все на какое-то время отвлеклись от аперитива и прислушивались к нашей беседе. Когда я ответил, что не имею никакого отношения к итальянскому посольству, потому как зовут меня Михаил Вдовин и я являюсь сотрудником Посольства СССР, возникла немая сцена наподобие той, которой кончается спектакль «Ревизор». Причем мои собеседни-

ки исполнили ее так, что им могли бы позавидовать не только провинциальные актеры, но и корифеи знаменитого Малого театра.

Спортивный директор оказался наиболее эмоционально устойчивым человеком, за что, очевидно, и был избран на этот высокий пост. Он первым оправился от шока и, посмотрев на ошарашенного президента, который все еще сидел в позе почтмейстера из гоголевской пьесы, спросил:

– Серж, кого ты к нам привел?

Этот вопрос снял всеобщее оцепенение, и все дружно расхохотались. Надо отдать должное французам: они умеют с достоинством выходить из деликатных ситуаций. Во время обеда только и было разговоров об этом «недоразумении», причем все они дружно утверждали, что приняли меня за итальянца, потому что я говорю по-французски с итальянским акцентом. Как это произошло, я и сам не знаю, это целиком на совести преподавателей, которые учили меня иностранным языкам сначала в университете, а потом в упомянутом мной малоизвестном учебном заведении.

Эта небольшая накладка не испортила наших отношений. Президент оказался человеком слова и пробил мое вступление в клуб, хотя это был, конечно, своего рода беспрецедентный случай.

Вскоре я стал довольно популярным человеком среди французов, чему во многом способствовали мои спортивные достижения не только в стрельбе из пистолета, но и по всей

программе современного пятиборья. Многие из них стали считать за честь называть меня в числе своих друзей.

Я, однако, был очень разборчив и по-настоящему «подружился» только с одним. На него я обратил внимание еще на обеде у президента, хотя он и не входил в руководство клуба, и не пожалел об этом, потому что он являлся советником в местной контрразведке. Конечно, мы не афишировали нашу дружбу, более того, сделали все от нас зависящее, чтобы о ней никто не знал, но от этого наши редкие встречи не стали менее эффективными. Во всяком случае, он очень дорожил нашей дружбой и, чтобы ей ничто не повредило, оберегал меня от излишней назойливости некоторых моих знакомых, своевременно предупреждая меня о том, кто из них связан с контрразведкой.

Его дружеские советы помогли мне, да и многим моим товарищам избежать крупных неприятностей...

Но вернемся к любителям легкой наживы. Уяснив, как я уже сказал, для себя цель их поездки, я свернул с дороги, ведущей к центру, сделал небольшой крюк и через несколько минут подъехал к зданию Генерального консульства СССР.

Я на всю жизнь запомнил выражение их лиц, когда я остановил машину и на чистейшем русском языке предложил им следовать за мной.

Генеральный консул был на месте. Мы не стали тратить время на воспитательную беседу, резонно полагая, что этим

лучше заняться в Советском Союзе, а просто предложили им разгрузить свои сумочки с флажками и показать, что именно они собирались обменять на валюту.

Убедившись, что их намерения не были пустой болтовней, генеральный консул вызвал капитана и вручил ему письменное уведомление о задержании двух членов его экипажа, самовольно вышедших в город с целью совершить незаконную валютную сделку в крупных размерах. Капитан пообещал немедленно сообщить об их проступке в пароходство, не отпускать больше на берег, а по прибытии в первый советский порт списать с судна. Дальнейшая процедура входила в компетенцию соответствующих правоохранительных органов.

Эта мера может показаться чересчур крутой, но мы отдавали себе отчет в том, что, если бы не моя любезность, эти деятели совершили бы тяжкое уголовное преступление и в случае задержания на таможне им пришлось бы надолго сменить корабельную каюту на тюремный барак...

Вообще в моей практике довольно часто случались различного рода происшествия с советскими моряками.

Однажды ночью мне позвонил дежурный по посольству и «обрадовал», сообщив, что два наших моряка арестованы полицией порта за кражу.

А дело это происходило в одной развивающейся стране, которой мы оказывали большую и бескорыстную помощь.

В числе самого разнообразного оборудования, поступавшего из СССР, были и самосвалы марки «МАЗ». Не знаю, как сейчас, но в ту пору заботливые минские автомобилестроители устанавливали на бамперах своих самосвалов по две желтые фары. Вот за этими-то фарами, прихватив с собой соответствующий слесарный инструмент, и отправились два члена экипажа судна, доставившего в порт эти самые самосвалы. Приглядели они фары еще во время плавания к берегам развивающейся страны, но снять постеснялись, потому что на разгрузке всегда присутствовал представитель «Автоэкспорта» и чиновники соответствующих местных учреждений.

Стоянка, где после разгрузки находились самосвалы, естественно, охранялась, и похитителей задержали на месте преступления.

Приехав в полицию порта, я выяснил, за что и при каких обстоятельствах были арестованы наши моряки, и потребовал с ними встречи. Независимо от их проступка, они оставались советскими гражданами, и моя прямая обязанность заключалась в том, чтобы защищать их права и интересы.

Привели задержанных. Один из них оказался старшим помощником капитана, второй – механиком теплохода. Это были солидные пятидесятилетние люди. Более того, механик, как потом выяснилось, вообще оказался весьма заслуженным человеком, бывшим подпольщиком, орденоносцем, депутатом и почетным гражданином столицы одной из союзных республик.

Я уже собирался начать переговоры об их освобождении, как полицейский комиссар жестом остановил меня и сам произнес запомнившийся мне на всю жизнь монолог:

– Не волнуйтесь, господин вице-консул! Я отпущу ваших моряков. Мы очень признательны вашей стране за бескорыстную помощь и поэтому не будем предпринимать никаких мер. Но у меня вызывает недоумение одно обстоятельство! Я живу в бедной стране, у нас много проблем, одной из них является преступность. Но когда я задерживаю за кражу местного гражданина, я знаю, что он совершил ее чаще всего потому, что у него нет работы и ему нечем накормить своих детей. Но я не могу понять, почему ваши моряки, плавающие на таком прекрасном корабле, имеющие все, в том числе, наверное, и легковые автомобили, снимают фары с самосвала, который они же нам и привезли?! Вы можете мне это объяснить?

Комиссар оказался прав. Доставив старпома и механика на теплоход, я выяснил, что у обоих действительно есть «Волги», и вот на них как раз и не хватало этих самых желтых фар, за которыми они темной ночью отправились в опасное путешествие по охраняемому полицией порту.

И недоумение комиссара по поводу их «странного» поведения тоже было мне понятно. Он просто представить себе не мог, что в наших магазинах невозможно купить желтые фары, как, впрочем, и многие другие аксессуары и запасные части к автомобилям. Возможно, если бы комиссар лучше

знал проблемы нашей автомобильной промышленности, он был бы к нашим морякам еще более снисходительным, а мне не задавал бы таких вопросов.

Но мне от этих рассуждений не стало легче. Я был готов провалиться от стыда из-за проступка моих столь уважаемых соотечественников.

Я посмотрел на задержанных и не заметил на их лицах раскаяния.

И тогда мне стало нестерпимо стыдно за державу, в которой даже почетные граждане занимаются мелкими кражами.

...Вот и после беседы с нечаянно перехваченными мной незадачливыми валютчиками я ощущал какой-то моральный дискомфорт, поэтому решил, пока жена с дочерью смотрят кино в посольском клубе, забежать домой и принять душ.

Сначала я даже не обратил внимания на этот звонок в дверь, но потом вспомнил, что я в квартире один и открывать придется мне. Пробурчав труднопереводимую на иностранные языки фразу, я закрыл воду, задрапировал полотенцем ту часть тела, которая обычно закрыта плавками, и пошлепал в коридор.

Еще издалека я заметил, что совсем близко у двери лежит какой-то конверт. Оставив его лежать там, где он лежал, я посмотрел в «глазок» и увидел, что лестничная площадка напротив моей квартиры пуста. Видимо, звонивший не дождался или не захотел ждать, когда ему откроют.

Наклонившись, я осмотрел обычный канцелярский конверт, на котором латинскими буквами было написано: «Г-ну Вдовину». Затем я осторожно перевернул его. Конверт не был заклеен, это меня сразу как-то успокоило, потому что конверты с «сюрпризами» всегда заклеены, и я взял его в руки.

Проявленная мной осмотрительность не была случайной и совсем не означала, что я чересчур бдителен или боюсь собственной тени: так предписывали инструкции, которыми руководствовались сотрудники дипломатических представительств всех стран. В последние годы развелось слишком много любителей направлять в различные адреса, в том числе в посольства и на квартиры дипломатов, пакеты, начиненные взрывчаткой или какой-нибудь пакостью. Эти любители как раз и рассчитывают, что иностранный дипломат без всяких предосторожностей вскрыет пакет и тут же лишится рук, глаз, а то и жизни.

Но дипломаты, наученные горьким опытом своих неосмотрительных коллег, давно уже не проявляют поспешности при обработке полученной корреспонденции, а предварительно показывают ее специалисту, который с помощью рентгеновской аппаратуры и других хитрых приборов быстро определяет, есть ли в пакете что-нибудь, кроме корреспонденции, и чем это грозит тому, кто намерен познакомиться с его содержимым. И определяет это не кое-как, а стремится проделать все эти изыскания, не подвергая опас-

ности и собственную жизнь, и поэтому для порядка помещает подозрительный пакетик в железобетонный бункер где-нибудь в дальнем углу территории посольства, да и вскрывает его не голыми руками, а с помощью специальных манипуляторов.

Но в моем случае все было чисто, я отогнул клапан и заглянул внутрь. В конверте находился один-единственный сложенный вдвое лист бумаги. Я вынул его из конверта, развернул и буквально обалдел от изумления: в руках у меня была ксерокопия бланка Управления национальной безопасности с грифом «конфиденциально», а на бланке были указаны хорошо мне знакомые фамилии ряда сотрудников советских учреждений в стране и напротив каждой из них колонки каких-то цифр.

Я сразу сообразил, какой документ попал ко мне в руки и почему тот, кто подсунул его под дверь моей квартиры, не пожелал передать мне его лично: это был график работы на следующий месяц того подразделения местной контрразведки, которое осуществляло слежку за советскими гражданами.

Глава 2

До конца киносеанса оставалось минут сорок, и я решил забежать в посольство. Если резидент там, я вполне успею доложить ему об этом неожиданном инциденте с конвертом и посоветуюсь, как поступать дальше.

Но ни конверт, ни находившийся в нем график работы контрразведки я с собой не взял. Кто его знает, с какой целью мне его подбросили? Может быть, для того, чтобы задержать меня с этим графиком по дороге в посольство и предъявить обвинение в недозволенной деятельности? С учетом такой реальной возможности нести сейчас конверт в посольство было бы непростительной глупостью.

...Мне сразу вспомнился случай с корреспондентом одной из центральных газет в соседней стране Стасом Климовым, отличным парнем и великолепным журналистом, с которым мне как-то пришлось лететь в одном самолете.

Это произошло прошлым летом. Стас, как обычно, передал в свою редакцию по телефону очередной материал, а затем попросил знакомую стенографистку позвонить ему домой и попросить жену, находившуюся в тот день с детьми на даче, прислать ему с оказией кое-какие материалы, необходимые для написания серии очерков. Стенографистка обещала выполнить эту просьбу.

Примерно через неделю вечером на квартиру Климова позвонил какой-то человек, назвался экспертом советской делегации, прибывшей на переговоры, и сказал, что привез для Климова небольшую посылку от его жены. Он попросил немедленно приехать в советское посольство и забрать посылку.

Когда Стас подъехал к посольству, к нему подошел человек, по внешнему виду ничем не отличающийся от наших соотечественников, представился как Егоров (в составе делегации действительно был эксперт с такой фамилией), показал даже советский загранпаспорт с фотографией, передал Стасу привет от жены, а затем вручил ему объемистый пакет, заклеенный липкой лентой.

Вообще-то Стас, судя по отзывам, был осмотрительным парнем, но все выглядело настолько естественно, что ему и в голову не пришло хотя бы предложить Егорову зайти в посольство и там посмотреть содержимое пакета.

Не успел Стас подъехать к своему дому, как его задержали сотрудники полиции, доставили в комиссариат и там в присутствии уже ожидавших понятых вскрыли «пакет от жены». Вместо вырезок из советских газет и журналов в пакете оказались секретные документы одного местного ведомства.

На следующий день Климов был с большим шумом выдворен из страны за «шпионаж». Так ему отомстили за острые репортажи, которые, видимо, раздражали кое-кого в правительстве страны...

Наученный не столько этим печальным опытом, сколько имея некоторое представление о повадках местной контрразведки, я спрятал конверт в одно укромное место, специально оборудованное в моей квартире для подобных случаев, быстро оделся и вышел из дома.

По дороге в посольство, а до него было всего-то пару кварталов, со мной ничего не случилось, и я даже пожалел, что из-за своей излишней осторожности лишаю шефа возможности подержать в руках подброшенный мне неизвестным пока человеком документ.

За пуленепробиваемым стеклом приемной в этот вечер сидел Валерий Иванович, один из самых наших опытных дежурных комендантов. Еще несколько лет назад Валерий Иванович был футболистом, играл в известной команде мастеров, а ныне с большим успехом выступал на месте центрфорварда нашей посольской команды. По графику он заступил на дежурство в двадцать часов, сейчас было почти девять вечера, и я спросил его:

– Не знаешь, Скворцов в посольстве?

Валерий Иванович заглянул в журнал, в котором регистрировался вход и выход сотрудников из посольства, и сказал:

– Должен быть наверху. Из посольства не выходил.

Обычно я перекидывался с ним парой слов о жизни вообще и о спортивных событиях в нашей стране и за рубежом

в частности, но сегодня у меня не было времени на светские разговоры, и я сразу пошел наверх.

На площадке между вторым и третьим этажом дорогу мне загородил туго обтянутый фирменными спортивными штанами женский зад. По его габаритам я сразу опознал жену второго секретаря посольства Ларису Васильевну, которая в этот поздний час, вместо того, чтобы смотреть кино, мыла лестницу.

...Я не ханжа, я уважаю любой труд и совсем не считаю унижительной или недостойной работу уборщицы, тем более, что каждый из нас, за небольшим исключением, сам убирает собственную квартиру и с детства должен разбираться во всех прелестях этой неблагодарной, но необходимой работы.

И все же за границей, как мне кажется, действовали несколько иные порядки, и жене дипломата как-то не пристало выполнять работу уборщицы. Это вовсе не значит, что работа уборщицы – удел жен технических работников. Служебное положение мужа не всегда эквивалентно профессии жены, и среди жен технических работников есть такие, до которых ой-ой как далеко женам некоторых дипломатов.

Безусловно, многие жены заграничников, в том числе и жены дипломатов, оторваны от любимого дела и изнывают за границей от безделья (домашняя работа не в счет, она им успеваешь надоесть до тошноты), а потому согласны заняться чем угодно, только бы не сидеть дома и как-то разнообразить

свою жизнь. Тем не менее во многих странах придерживались пусть не приличий, но каких-то неписаных правил, в соответствии с которыми не положено было жене дипломата, страдая не столько от физических, сколько от моральных мук, тайно и явно стыдясь того дела, которое она делает, заниматься уборкой помещений.

Не положено было хотя бы потому, что она шла на этот стыд и унижение зачастую исключительно из желания перехватить лишнюю сотню долларов и потратить эти деньги на свои личные нужды.

В том, что это было именно так, убеждает такой довод: в Союзе ведь уборщицам тоже неплохо платили и профессия эта всегда была весьма дефицитной, но я что-то не слышал, чтобы хоть одна жена дипломата работала в Москве уборщицей, даже в самых престижных и чистых учреждениях. Были же на это какие-то причины! Почему же за границей они не должны были приниматься в расчет, в том числе и в нашем посольстве?

А вообще в том, что все наши учреждения за границей убирают преимущественно жены командированных советских граждан, есть большое преимущество. И не только в смысле экономии валютных средств, но особенно в плане обеспечения безопасности. Ни одна американка, кем бы ее муж ни служил, хоть самым рядовым сотрудником, никогда, ни при каких обстоятельствах не согласится работать уборщицей американского посольства, а не убирать нельзя. Вот

и вынуждены американцы обращаться к услугам местных граждан, то есть допускать во все помещения, в том числе самые секретные, посторонних, а это уже небезопасно, потому что каждый из работающих в посольстве местных граждан – это прежде всего **не американец**. И когда появляется возможность немного подзаработать на выдаче чужих секретов какой-нибудь иностранной разведке, такие люди очень часто от нее не отказываются.

Знают об этом американцы, перемещают время от времени местный обслуживающий персонал, периодически вообще полностью заменяют его, а положение поправить не могут, потому что все равно кто-то должен убирать помещения, а раз кто-то должен, то и чужие глаза и уши в посольстве всегда есть!

Поэтому и была безграничной наша признательность беззаветным советским женщинам, в том числе и женам дипломатов, которые взяли на себя эту тяжелую и грязную работу, благодаря чему мы и были избавлены от необходимости пускать иностранцев в наши учреждения...

Заметив меня, Лариса Васильевна быстро выпрямилась, стыдливо спрятала мокрую тряпку за спину и пропустила меня наверх.

Я поднялся на третий этаж, набрал шифр замка и вошел в помещение резидентуры.

Резидентом у нас в ту пору уже был Андрей Петрович

Скворцов. Мы работали вместе менее года, до этого даже не были знакомы, и у нас все еще продолжался процесс взаимного сближения и «притирки».

Отношения между нами были очень уважительные, но пока ограничивались исключительно официальными рамками. Скворцов держал меня на определенной дистанции, но делал это, надо отдать ему должное, очень тактично, и, может быть, поэтому я не очень расстраивался: я понимал – чтобы сократить эту дистанцию, нужно время, необходимо лучше узнать друг друга, посмотреть, как говорится, в деле. К тому же личные отношения возникают только при обоюдном к ним стремлении, и насиловать друг друга в этом смысле ни в коем случае нельзя, особенно когда речь идет об отношениях начальника и подчиненного.

Трудно сказать, что нам мешало, может быть, какие-то особенности наших характеров или разница в возрасте. Конечно, тринадцать лет – не такая уж большая разница, но в нашем случае это была целая пропасть, потому что Андрей Петрович успел повоевать, войну закончил командиром разведроты, да и в разведке служил почти вдвое дольше меня.

Напротив, с его предшественником мы были почти одноклассниками, да и знали друг друга много лет, а что толку? Он был, как говорится, из молодых да ранний, ему покровительствовал один наш очень большой начальник, поэтому он тоже стремился стать большим начальником и не скрывал этого. А такое «стремление», как известно, портит че-

ловека. Вот и его заботило не столько дело, которое он возглавлял, сколько его внешняя сторона. И хотя он, признавая мой опыт, предоставлял мне большую свободу действий и не слишком вмешивался в мои дела, работать с ним было скучновато, потому что он избегал всякого риска и занимался в основном встречами и проходами высокопоставленных лиц, очень любивших наведываться в нашу страну.

Я тоже хотел расти, но влиятельного покровителя у меня не было, да и не в моих правилах было искать себе покровителя, и поэтому я мог рассчитывать только на личные достижения в работе. А с достижениями как раз и возникали сложности, и, самое обидное, не столько потому, что этому мешала местная контрразведка, сколько из-за чрезмерной осторожности шефа. Поэтому, несмотря на великолепные личные отношения, я расстался с ним без особых сожалений. Если доведется, я с удовольствием съезжу с ним на рыбалку или в туристскую поездку, но оказаться еще раз в одной стране мне бы не хотелось.

Работать со Скворцовым мне было намного сложнее, но зато и намного интереснее. В нем мне особенно импонировало то, что для него на первом месте всегда стояло дело. Каждого работника он тоже оценивал прежде всего по деловым качествам, сам превосходно разбирался во всех тонкостях нашей профессии, и работа с ним была для меня отличной школой.

Вот и сейчас мы быстренько расставили все по своим ме-

стам...

В самом этом происшествии для нас обоих не было ничего сверхъестественного. Во все советские учреждения за границей довольно часто обращаются иностранцы с предложением различного рода услуг, в смысле как единовременной, разовой передачи нам всевозможных сведений, составляющих государственную или служебную тайну, так и долговременного сотрудничества с советской разведкой.

Безусловно, на дверях наших посольств никто не вывешивал объявлений типа «здесь осуществляется круглосуточный прием лиц, желающих сообщить секретную информацию», но такие люди все равно шли, и от этого никуда не деться.

Шли чиновники государственных учреждений, сотрудники частных фирм и научно-исследовательских центров, занимавшихся разработкой новейших технологий или образцов военной техники, военнослужащие и гражданские специалисты. Довольно редко, но все же обращались к нам с подобными предложениями и сотрудники секретных служб.

Конечно, всякий здравомыслящий человек, а тем более сотрудник секретной службы, представляет себе, какими серьезными последствиями чреват для него подобный визит в советское посольство и последующее сотрудничество с советской разведкой. И раз уж он решается на этот шаг, значит, у него есть какие-то серьезные причины.

Одной из таких причин нередко бывало искреннее жела-

ние оказать помощь нашей стране. У нас всегда были настоящие друзья, когда больше, когда меньше, но они были неизменно. Разве могли мы запретить им поступать, сообразуясь со своими симпатиями и убеждениями?!

Довольно часто в наши учреждения обращались люди, доведенные до отчаяния нуждой или иными обстоятельствами, а иногда из элементарного стремления заработать шальные деньги. Должны ли мы были отказываться от их услуг только потому, что деньги для них значат больше, чем убеждения?

Так, однажды в наше посольство в одной азиатской стране пришел майор американской военной разведки и заявил, что попал в трудное финансовое положение и, чтобы выбраться из него, ему срочно нужны десять тысяч долларов. За эту сумму он был готов передать нам любые известные ему сведения о деятельности американской разведки в Тихоокеанском регионе, включая сведения об акциях, проводимых в районах, прилегающих к советскому Дальнему Востоку. Сама по себе такая информация была интересной, однако по вполне понятным причинам его заявление было встречено с известной долей недоверия, потому что среди американских вояк, да и сотрудников других ведомств всегда было достаточно много разного рода авантюристов, которые были не прочь подзаработать на традиционной русской отзывчивости к чужому несчастью.

Вот и в этом случае ему задали массу уточняющих вопросов, на которые он с готовностью ответил, обозначили про-

блему, освещение которой стоило бы таких денег, но твердо заявили, что вопрос о вознаграждении может быть рассмотрен только после получения от него информации и ее оценки нашими специалистами.

Такой ответ не устроил майора: он понял, что получить десять тысяч в течение нескольких дней ему не удастся, и был этим явно разочарован. Уходя из посольства, он сказал на прощание, что мы были его последней надеждой и что теперь он конченный человек.

Это заявление не встретило особого сочувствия, да и визит майора был расценен, как какая-то проделка американских спецслужб, но суровая действительность опровергла эти предположения. Буквально через пару дней над столицей этой азиатской страны поднялся американский военный вертолет, завис на высоте трехсот или четырехсот метров, и из вертолета выпал незадачливый майор, то ли сам решивший подвести итог своей неудачно сложившейся жизни, а скорее, выброшенный из вертолета своими безжалостными сослуживцами, которым он задолжал крупную сумму.

Этот печальный случай дал нам повод уяснить, что иногда жизнь американских разведчиков складывается таким образом, что они оказываются у последней черты и в такой момент готовы на все. Вот как только угадать, последняя ли это черта или первый шаг к крупной провокации?..

Это расценивалось, как большая удача, когда нам по сво-

ей инициативе предлагал свои услуги честный человек, располагавший к тому же интересной информацией. Но каждый визит такого доброжелателя, каждое его обращение к сотруднику советского учреждения – это и большая опасность! На нашей памяти было довольно много случаев, когда слово «доброжелатель» приходилось брать в кавычки.

Дело в том, что иностранные секретные службы под видом «доброжелателей» активно использовали свою агентуру, чтобы осуществлять самые разнообразные провокации, компрометировать советское посольство или умышленно снабжать нас материалами дезинформационного характера, которые могли побудить наше руководство принять неправильные или выгодные западным странам решения.

Довольно часто в наши посольства приходили различного рода вымогатели, авантюристы, стремившиеся получить крупную сумму денег за мнимые услуги. Среди этих людей попадались такие артисты, такие мастера мистификаций, что разобраться в их истинных намерениях было далеко не просто.

Когда в то или иное советское учреждение за границей или к какому-то конкретному сотруднику обращался иностранец с предложением своих услуг, это всегда происходило неожиданно. Более того, никогда заранее не было известно, с каким предложением он обратится в советское учреждение, какие причины побуждают его к этому, сотрудником какого

ведомства, компании или фирмы он является. Вы могли всю жизнь заниматься подобными делами, и тем не менее вам все равно приходилось каждый раз решать неожиданно возникавшие проблемы, с которыми ранее никогда не приходилось сталкиваться.

В беседе с такими людьми всегда возникала масса нестандартных ситуаций, вопросов, подозрений, и вам не оставалось ничего другого, как противопоставить им свои познания, интуицию и профессиональный опыт. Любая такая беседа – это поединок двух людей, каждый из которых озабочен решением своих собственных проблем. И если у визитера была одна цель: как можно выгоднее продать нам свою реальную или мнимую осведомленность в государственных или ведомственных секретах, то перед беседовавшим с ним сотрудником посольства целей было гораздо больше: и не упустить интересного человека, и не нарваться на провокатора, и не пустить народные деньги на ветер, и не стать жертвой мошенника или авантюриста, и это еще далеко не все возможные варианты!..

В ходе обсуждения Скворцов рассказал довольно любопытный случай из своей богатой оперативной биографии. Правда, он существенно отличался от моего как по форме, так и по содержанию, но все равно его можно было отнести к числу типичных примеров работы с человеком, которому вдруг пришла в голову мысль быстро и крупно заработать на

передаче секретов.

Было это довольно давно, когда Скворцов, еще сравнительно молодой разведчик, работал в стране, где было полно американских военных баз (в дальнейшем мне придется еще не раз упоминать такие страны, потому что именно там как раз чаще всего что-нибудь и происходило, но совсем не по причине предвзятого к ним отношения: так уж случилось, что американцы понастроили свои базы во многих странах мира и тем самым вынудили нас присматривать за тем, чтобы эти базы не были использованы в ущерб интересам и безопасности нашей страны).

В ту пору Скворцов по молодости лет отличался большой общительностью и любил проводить свободное время в одном уютном баре, пользовавшемся популярностью у американских офицеров. И вот сидит он однажды у стойки, а рядом с ним с трудом балансирует на высокой табуретке изрядно подвыпивший американский летчик. К тому времени пилот был уже в умиротворенном состоянии, и ему ужасно хотелось с кем-нибудь поделиться своими проблемами. А их у него, как оказалось, было предостаточно. И главной была острая нехватка денег.

Повертел пилот головой в поисках подходящего собеседника, которому можно было бы излить душу, заметил рядом симпатичного молодого парня при галстучке и с присущей американцам непосредственностью спросил:

– Ты кто?

Скворцов не стал юлить и ответил:

– Третий секретарь советского посольства.

– А ты не врешь? – с недоверием посмотрел на него пилот.

– Ей-богу, не вру, – побожился Скворцов.

– Слушай, парень, у тебя есть деньги? – неожиданно спросил пилот.

– А что? – в свою очередь спросил Скворцов, полагая, что тому не хватает на выпивку.

– Купи у меня ракету! – вдруг предложил пилот и икнул.

Поначалу Скворцов принял это предложение за пьяную болтовню, но все же решил исключительно от нечего делать расспросить пилота, о какой ракете идет речь:

– А что за ракета и сколько ты за нее хочешь?

И тогда американец объяснил ему, что это новейшая ракета класса «воздух-воздух», назвал ее индекс и тактико-технические данные и рассказал, что состоит она из трех сборных секций, каждая секция в специальном контейнере длиной около шести футов, то есть чуть больше полутора метров, а весом фунтов двести, то есть чуть меньше ста килограммов, и хочет он за нее пять тысяч «баков», то есть американских долларов.

– И когда ты можешь ее продать? – безразличным тоном спросил Скворцов, хотя в нем уже проснулся азарт охотника, почувствовавшего приближение крупного зверя.

– Завтра, – по-деловому ответил пилот, – в крайнем случае, послезавтра, потому что через два дня я улетаю в Шта-

ты.

И в той же ни к чему, казалось бы, не обязывающей шутливо-пьяной манере, в которой проходил весь этот разговор, пилот предложил вечером следующего дня встретиться в одном укромном тупичке на окраине города недалеко от американской военно-воздушной базы, особо подчеркнув, что приехать надо на машине с кузовом типа «универсал», способным вместить три полутораметровых контейнера, обязательно привезти деньги, иначе сделка не состоится, и, главное, никому ничего не рассказывать, а то у него будут большие неприятности.

На том и порешили, после чего Скворцов заказал по двойной порции виски, сам пить не стал, а оба стакана отдал пилоту, чем еще больше расположил его к себе.

Размышляя по дороге в посольство об этом разговоре, Скворцов склонялся к тому, что все это очень похоже на пьяную болтовню или провокацию. Предположения о возможной провокации были далеко не беспочвенными, потому что предложенное пилотом место для перегрузки ракеты было весьма удобно для того, чтобы захватить Скворцова и незаметно увезти его на военную базу.

И тем не менее профессиональное чутье подсказывало Скворцову, что пилот предложил ему хорошую сделку.

Когда Скворцов доложил обо всем своему шефу, тот позвонил военному атташе и спросил, слышал ли он что-нибудь о новой американской ракете класса «воздух-воз-

дух» с соответствующим обозначением. Военный атташе был весьма осведомленным человеком, когда дело касалось новых образцов иностранного вооружения, он сразу пришел в заметное возбуждение и заявил, что, если бы ему подвернулась возможность раздобыть такую ракету, он не пожалел бы за нее и пятидесяти тысяч долларов и не прогадал бы, поскольку такая ракета стоит гораздо больше.

Такая оптимистическая информация окончательно убедила шефа, и он решил рискнуть. Обдумав все, как следует, порешили, что Скворцов проведет встречу с пилотом не в тупичке, где его запросто могли заблокировать и умыкнуть, а в более подходящем для этого месте, которое будет обеспечено соответствующим прикрытием, чтобы исключить любые неожиданности.

Поскольку на согласование этого вопроса с Москвой времени уже не оставалось, шеф взял всю ответственность на себя. В помощь Скворцову выделили еще двух коллег, которые должны были вести наблюдение за местом встречи и вмешаться, если потребуются обеспечить его личную безопасность. Вечером они заблаговременно выехали в район встречи и безуспешно в течение часа ждали появления там Скворцова и американца, но никто так и не приехал.

Как потом выяснилось, американец, хоть и был накануне очень даже навеселе, оказался человеком, умеющим держать слово, и точно в назначенное время прибыл на место за рулем громадного «шевроле».

Скворцов, как и планировалось, перехватил его в нескольких кварталах от тупичка и предложил проехать туда, где вели наблюдение двое его коллег, но американец не пожелал терять время на разъезды и предложил немедленно произвести перегрузку, так как он очень спешит. Скворцов попробовал настоять на своем требовании, но пилот был непреклонен в своем стремлении как можно быстрее избавиться от ракеты, и Скворцову ничего не оставалось делать, как согласиться.

За одну минуту они перебросили из «шевроле» в микроавтобус, на котором приехал Скворцов, три контейнера с ракетными секциями, добросовестный пилот передал ему целую пачку секретных инструкций и наставлений, а вместо пяти тысяч долларов получил от Скворцова честно заработанные семь тысяч, поблагодарил за щедрость и уехал.

Наверное, вся эта операция выглядела со стороны как эпизод из какого-то дешевого боевика, но как бы то ни было, а дело было сделано, к тому же все обошлось благополучно, никаких провокаций не произошло, ракета была доставлена по назначению, и настало время по заслугам отметить всех участников операции. Их и отметили: Скворцов получил орден Красной Звезды, его шеф медаль «За боевые заслуги», и оба они по выговору за нарушение служебной дисциплины.

Остальные участники и свидетели операции из всей этой истории извлекли соответствующий урок: всего в разведке предусмотреть нельзя, кто не проявляет разумную инициа-

тиву и не рискует, тот, может быть, не получает выговоров, но орденов и медалей, по крайней мере заслуженных, тоже не дождется!

...Конечно, когда мы обсуждали мою ситуацию, нас заботил не столько вопрос о том, как заработать орден, а тем более выговор, сколько возможность регулярного получения очень важной информации из местной контрразведки. Чтобы было понятно, что к чему, мне придется сделать небольшое, но важное, на мой взгляд, пояснение, потому что мы столкнулись с особым случаем.

Во все времена перед нашей службой стояла проблема обезопасить советских граждан, работающих за границей, от вербовочных поползновений со стороны иностранных секретных служб. То, что находящиеся за границей советские граждане являются главным объектом таких поползновений, объясняется очень просто: во-первых, в советских учреждениях работают носители самых разнообразных государственных секретов, представляющие не только все внешнеполитические ведомства Советского Союза, но и партийные и многие государственные органы; а во-вторых, склонить отдельных из них к предательству в условиях заграничной намного легче, чем, скажем, в Москве, где сотрудникам иностранных разведок приходится остерегаться советской контрразведки.

Как в условиях заграничной обеспечить сохранность госу-

дарственной тайны, не дать секретным службам заманить в свои сети сотрудников советских учреждений, временно командированных советских граждан? Как выявить среди них тех, кто стал объектом пристального интереса со стороны секретных служб, или тех, кто по собственной инициативе, а такие тоже бывают, готовится совершить предательство? Следить за всеми? Но это значит – не доверять никому, всех брать под подозрение! И потом, кто будет следить и каким образом, если в стране может находиться несколько тысяч советских граждан, а офицер безопасности всего один?

Нет, применять такой «экстенсивный» метод было бы неправильно с политической точки зрения, да и невозможно чисто физически.

Тогда, может быть, следовало максимально сузить круг подозреваемых, взять под наблюдение только тех, кто в силу своих личных качеств и недостатков, особенностей своего поведения в условиях заграницы может привлечь к себе внимание секретных служб? Но как его сузить, этот круг, тем более максимально? Для этого опять же надо сначала следить за всеми! И где те критерии, по которым можно судить, что тот или иной человек, даже имеющий какие-то личные недостатки или совершающий неблагоприятные поступки, обязательно докатится до предательства?

Видимо, и этот путь далеко не самый эффективный. И потом, практика показывает, что во многих случаях поведение людей, сотрудничавших с иностранными разведками, в сво-

ем окружении было если и небезупречным, то по крайней мере не слишком бросалось в глаза.

В этой непростой ситуации все решается предельно просто: надо проникнуть в так называемый «русский отдел» соответствующей секретной службы и узнать, как говорится, из первых рук, кто из советских граждан уже завербован, кого готовятся вербовать, и вообще, что замышляется против советских граждан, находящихся в стране!

Вот это «вообще» заслуживает особого разговора, поскольку, когда речь заходила о планах и замыслах той или иной секретной службы против советских граждан, то подразумевались, конечно, ее намерения не только склонить их к сотрудничеству, но и осуществить различного рода крупные и мелкие провокации, которые отравляли жизнь самим жертвам и ухудшали и без того иногда не самые радужные межгосударственные отношения.

А защитить советских граждан от провокаций иностранных секретных служб было нашей святой обязанностью, и именно на решение этой задачи расходовалась значительная, если не большая, часть времени и сил резидентур КГБ.

И даже это еще не все, потому что проникновение в «русские отделы» давало возможность выявлять агентуру секретных служб, используемую в изучении советских граждан и в организации всевозможных провокаций, обнаруживать и извлекать установленные в советских учреждениях микрофоны и другие подобные устройства и решать массу других

проблем, о которых в силу их определенной специфики мне не хотелось бы сейчас говорить.

Для того чтобы решить эту «простенькую задачку», то есть проникнуть и узнать, надо было найти компетентного сотрудника «русского отдела» и уговорить его работать на нас. Или дожидаться, когда кому-либо из них самому придет в голову мысль оказать нам такую важную услугу.

Первое хотя и сложнее, но предпочтительнее, потому что можно долго ждать такой удачи, да так и не дожидаться!

Вот такие задачки и решало управление внешней контрразведки, в котором я имел честь служить.

...Теперь, когда я дал некоторые пояснения, я думаю, понятно, почему Скворцов и я с таким интересом отнеслись к подброшенному под мою дверь конверту.

Его содержание, этот самый листок с фамилиями сотрудников советских учреждений в стране, среди которых, между прочим, были и наши фамилии, и колонками цифр напротив каждой из них, со всей очевидностью подтверждало, что человек, решившийся на такой серьезный шаг, как раз и является таким необходимым для нас сотрудником «русского отдела» и детально осведомлен обо всем, что делается и что замышляется против нас и наших соотечественников.

А поэтому упускать такого человека, не сделав все возможное, чтобы установить с ним деловой контакт, мы не имели права.

Детально проанализировав ситуацию, мы пришли к следующим выводам.

Во-первых, можно было с достаточной степенью уверенности предположить, что подбросивший конверт действует по личной инициативе. На провокацию с использованием собственного сотрудника секретные службы решаются очень редко, поскольку это всегда связано с необходимостью идти на передачу чрезвычайно важной информации, затрагивающей деятельность самой секретной службы. Если же вся эта затея организована контрразведкой, значит, она преследует какие-то далеко идущие цели и ради этого готова пожертвовать некоторыми своими секретами.

Во-вторых, доброжелатель хорошо ориентируется в обстановке и мою квартиру выбрал не случайно. Из этого вывода следовало, что он либо имеет самое непосредственное отношение к работе по советским гражданам, либо наводку на меня ему дала контрразведка.

В-третьих, тот факт, что этот человек не побоялся зайти в дом, где проживают сотрудники советского посольства, находящийся под постоянным наблюдением контрразведки, означал, что либо он имеет право по роду службы беспрепятственно появляться в районе советских учреждений и мест проживания советских граждан, либо все это опять-таки сделано им с ведома контрразведки.

Проведенный нами анализ, таким образом, показал, что ситуация далеко не однозначна, в ней возможны любые по-

вороты, а поэтому действовать надо с максимальной осмотрительностью, поскольку опасность, что все это подстроено местной контрразведкой, чтобы втянуть нас в игру, а затем организовать какую-то провокацию, была довольно реальна.

Обывательская логика подсказывала, что лучше не связываться с таким сомнительным делом, потому как еще не известно, будут ли от него какие-то выгоды, а вот неприятности были вполне вероятны, но это ведь проще всего – не рисковать, ничего не делать, пусть себе все идет, как идет, авось пронесет. Тому, кто так рассуждает, нечего делать в разведке!

Но и пренебрегать опасностью мы тоже не имели права. Поэтому, обсудив инцидент и тщательно взвесив все возможные последствия, мы со Скворцовым решили пока ничего не предпринимать, посмотреть, насколько совпадут те сведения, которые сообщил нам неизвестный доброжелатель, с тем, как в течение ближайшего месяца будет вести себя местная контрразведка, и подождать, что за этим последует.

Мы отлично понимали, что тот, кто передал нам документ, преследует какую-то цель, а раз так, значит, он обязательно предпримет еще какие-то действия в развитие своего замысла и в конце концов обязательно вступит со мною в контакт.

Приняв такое решение, мы закрыли резидентуру и пошли в клуб, где как раз кончался киносеанс, чтобы встретить сво-

их домочадцев и проводить их домой...

Глава 3

Прошло недели три. В очередное воскресенье мы, как обычно, всей семьей поехали в конноспортивный клуб.

В машине у каждого из нас было свое постоянное место: я за рулем, жена рядом, а Иришка на заднем сиденье. Впрочем, на заднем сиденье – это будет не совсем точно. В последнее время Иришка стала опускать подлокотник и садиться на него верхом спиной к движению машины, чтобы смотреть через заднее стекло.

Мне это не нравилось, и не только потому, что в случае резкого торможения она могла слететь с подлокотника и удариться спиной, но и потому, что ее поза смущала водителей некоторых машин, ехавших следом за нами.

Вот и сейчас она, несмотря на мои неоднократные запреты, снова уселась верхом на подлокотник и уставилась в заднее стекло. Я только хотел сделать ей очередное замечание, как Иришка вдруг сказала:

– Папа, а за нами снова едет этот «ситроен»!

– Какой «ситроен»? – спросил я самым безразличным тоном, на какой был способен, хотя отлично понимал, что она имеет в виду.

– А тот, голубой, помнишь, который ехал за нами позавчера. Только тогда у него был номер 836, а сегодня 718 и

буквы другие.

– Не выдумывай, – недовольно пробурчал я, – и слезь с подлокотника. Это другой «ситроен».

– Нет, папочка, не другой! – ехидно ответила дочь. – Это номер у него другой, а вмятина на правом крыле та же, и водитель тот же, только позавчера он был в красной рубашке без галстука, а сегодня у него светлая рубашка и галстук.

«Вот чертова девка!» – подумал я. Мне был очень хорошо знаком этот голубой «ситроен», я давно его заметил, но не обращал на него внимания, как поступал всегда, когда ехал по личным делам и мне не нужно было выявлять слежку.

– Он что, следит за нами? – снова спросила Иришка, не собираясь слезать с подлокотника.

– Тебе что папа сказал? – пришла мне на помощь жена. – Сядь нормально!

Иришка неохотно сползла с подлокотника и, не дожидаясь моего ответа, утвердительно сказала:

– Точно, он за нами следит! Мы что, шпионы?

– Перестань болтать глупости! – строго сказал я. – Не следит, а охраняет, чтобы на нас кто-нибудь не напал или не наехал.

Выслушав мое объяснение, Иришка скептически хмыкнула. Но что я еще мог ей сказать? Это было вполне современное дитя, выросшее за границей и с младенческого возраста привыкшее ко всяким передрыгам, которых было предостаточно у ее родителей.

Впервые Иришка удивила меня четыре года назад, когда ей было пять лет. Это произошло в той самой развивающейся стране, где у меня состоялся незабываемый разговор с комиссаром портовой полиции. А было это так.

Среди моих знакомых был шифровальщик резидентуры ЦРУ. Он работал на нас уже много лет, еще с той поры, когда служил на одной из американских военных баз в Европе. Отслужив в армии, он закончил курсы шифровальщиков, поступил в ЦРУ и стал работать в американских посольствах за границей. Периодически он передавал мне подлинники весьма интересных документов, раскрывающих различные аспекты деятельности американской разведки не только в этой развивающейся стране, но и во всем регионе.

Наши встречи происходили, как правило, поздно вечером недалеко от загородной виллы, где проживал технический персонал американского посольства, в то время, когда он выводил на прогулку свою собачку. Пока он гулял, мне надо было съездить в резидентуру, сфотографировать документы и вернуться, чтобы их возвратить, поскольку утром он должен был положить их на место.

На всю эту процедуру мне отводилось не более полутора часов, и этого времени было бы вполне достаточно, потому что от виллы до советского посольства было около десяти километров; десять километров туда, десять обратно, итого двадцать, фотолаборатория была наготове, мне всегда

помогал кто-нибудь из моих товарищей, и, для того, чтобы переснять документы, требовалось не более десяти минут. Но вся загвоздка была в том, что обстановка в стране в тот период была напряженной, действовал комендантский час, при въезде в город свирепствовали контрольно-пропускные пункты, на дорогах было полно военных и полицейских патрулей, которые останавливали и дотошно проверяли местный автотранспорт. К дипломатам, особенно из социалистических стран, отношение было вполне лояльное, однако нет-нет да какой-нибудь патруль, не слишком осведомленный о тех правах, которыми пользуются дипломаты, в частности о дипломатической неприкосновенности, делал попытку не только проверить у дипломата документы, что было в порядке вещей, но и досмотреть его машину.

На эти дурацкие формальности требовалось много времени, иногда у контрольно-пропускного пункта скапливалось несколько местных автомашин и приходилось вставать в очередь, а если впереди оказывался автобус, набитый пассажирами, то на этом месте можно было проторчать когда пятнадцать, а когда и все двадцать минут. Из-за этих проверок только на дорогу в один конец могло уйти около сорока пяти минут, и операция по возвращению документов оказывалась под угрозой срыва.

Тогда, чтобы выиграть время, я придумал маленькую хитрость: на подобные операции я стал брать Иришку. Я стелил на заднее сиденье одеяльце, укладывал ее и уговаривал

уснуть. Когда она засыпала, я отпраплялся в путь.

Подъехав к контрольно-пропускному пункту, где в ожидании проверки маялись машины и пассажиры, я сразу подзывал офицера и говорил, что мой ребенок заболел малярией или тропической лихорадкой и я спешу к врачу. Офицер светил фонариком в салон, видел разметавшуюся во сне, потную от тропической жары девочку и, убедившись, что я говорю чистейшую правду, давал команду немедленно пропустить меня без очереди.

Я неоднократно использовал этот трюк, и однажды, садясь в машину, Иришка неожиданно спросила:

– Папа, мы едем по работе или просто так? Мне спать или не спать?

Смышленная девочка, оказывается, давно усекла, что, если я прошу ее заснуть, значит, я еду «по работе», а если она без моей команды надумала уснуть, а я не разрешаю, значит, мы едем домой или в гости, и поэтому мне не хочется таскать ее на руках. Такой чести она удостоивалась только после участия в операции по связи с шифровальщиком резидентуры ЦРУ. Так что обнаружившаяся у Иришки спустя четыре года способность выявлять слежку меня несколько не удивила.

Но это была не единственная проблема в нашей семье. Гораздо больше хлопот доставляла мне моя собственная жена, потому что Иришка встревала в мою работу от случая к случаю с интервалом в несколько лет, а жена готова была мне

помогать постоянно, и, хоть и была она женщиной довольно дисциплинированной, тем не менее время от времени мне приходилось ограничивать ее инициативу.

Вот и сейчас, едва закончился инцидент с Иришкой, как в разговор вступила жена.

– Что мне сказать, если Элен снова пригласит нас в гости?

Элен была супругой одного очень интересного человека, и жена, надо отдать ей должное, потратила много времени и сил, чтобы подружиться с ней и довести эту дружбу до такого уровня, что Элен пригласила нас в гости.

– Откажись, – тем не менее посоветовал я, машинально наблюдая в зеркало заднего вида за маневрами голубого «ситроена», который пытался спрятаться от меня в потоке машин.

– Неудобно как-то, я уже дважды отказывалась от ее приглашений.

Это была чистая правда, мы долго этого добивались, и вот теперь, когда нас наконец приглашают, приходится отказываться.

– Пока я не разберусь с одним делом, новые знакомства заводить не будем!

Надо сказать, что вообще-то я скептически отношусь к использованию женщин в разведывательной работе, в том числе и жен разведчиков. По моему убеждению, не женское это дело, тем более в мирное время. Разведывательная работа

подчиняется своим, и притом весьма жестоким законам, по которым согласится и сможет жить далеко не каждый мужик, куда уж тут слабому полу!

Правда, американские разведчики активно используют своих жен, не говоря уже о незамужних сотрудницах, но это их дело. Я же считаю, что жене разведчика достаточно создать мужу благоприятную обстановку в семье, окружить его вниманием и заботой, хорошо накормить, аккуратно одеть, снять стресс, приласкать, и этим ее участие в разведывательной работе должно ограничиваться.

Конечно, попадаются отдельные жены, у которых способностей к разведывательной работе не меньше, а иногда даже больше, чем у их мужей. Но наша профессия не ограничивается только набором специальных приемов и навыков. Разведчик не может делить свою жизнь на рабочее и нерабочее время, а обязан отдавать своему делу все «сорок восемь» часов в сутки. И вообще, перефразируя одно известное изречение, можно сказать, что разведка – это не профессия, а состояние души! А женская душа – штука тонкая, она способна на недоступные мужчинам, но довольно кратковременные всплески эмоций, а вот выдерживать постоянное напряжение, какого требует профессия разведчика, ей довольно трудно, в связи с чем вероятность срыва очень велика.

Я знаю, что не все мои коллеги разделяют подобное мнение. В порядке возражения они могут заявить, что женщины имеют такое же право служить своей стране и защищать ее,

как и мужчины, и назвать выдающихся разведчиц, например, Елизавету Горскую-Зарубину, Зою Воскресенскую-Рыбкину, Леонтину Коэн (она же Хелен Крогер), Африку де лас Эрас и многих других, чьи имена золотыми буквами вписаны в историю внешней разведки, но переубедить меня им будет трудно: я имел счастье знать их лично, я преклоняюсь перед достигнутыми ими результатами, их мужеством и готовностью к самопожертвованию, но... мне всегда было искренне их жаль!

Конечно, процесс женской эмансипации остановить невозможно, он зашел слишком далеко, и нельзя запретить женщинам поднимать штангу, играть в футбол и хоккей, бороться на ковре и драться на ринге, да еще бить при этом ногами, но мне все же больше нравятся традиционно женские виды спорта, и тут я ничего не могу с собой поделать. И поэтому я не собираюсь полемизировать с теми, кто приходит в умиление, когда женщины выполняют мужскую работу, пусть каждый остается при своем мнении. Тем более, что у меня на этот счет есть кое-какой личный опыт и основывается он на одной давней истории.

...А началась эта история без малого лет двадцать назад.

В одном областном городе в самом центре России жила-была девочка по имени Таня. Ее папа был пилотом гражданской авиации, мама – заведующей детским садом, а старший брат играл в хоккей с шайбой за местную команду мастеров. Таня тем временем занималась своими девчоночьи-

ми делами, спорт не любила, но зато много читала и годам так к четырнадцати увлеклась книгами о разведчиках. Да так увлеклась, что, едва получив паспорт, втайне от родителей и старшего брата-хоккеиста пошла в областное управление КГБ, обратилась к дежурному и попросила организовать ей встречу с сотрудником отдела кадров.

Дежурный как раз и оказался кадровиком и согласился ее выслушать. Ему-то Таня и сообщила о своем твердом намерении стать разведчицей и спросила, что для этого нужно.

Кадровик едва не расхохотался, настолько необычной была просьба сидевшей перед ним худенькой девятиклассницы, но, не желая ее обидеть, на полном серьезе объяснил, что для этого нужно в совершенстве владеть хотя бы двумя иностранными языками, получить высшее образование, быть хорошей спортсменкой, закалить характер и волю, быть активной комсомолкой, иметь отменное здоровье и многое, многое другое. Еще он хотел добавить, что, когда она овладеет, получит, будет, закалит, станет и т. п., ей останется выкинуть из головы все свои детские фантазии и заняться каким-нибудь серьезным делом.

Но он не успел ей все это сказать, потому что Таня, внимательно выслушав его, спросила:

– Простите, а как ваша фамилия?

– Новиков, – ответил кадровик.

– А какое у вас звание? – снова спросила Таня.

– Видишь, у меня на погонах четыре маленькие звездоч-

ки. Это значит – капитан, – пояснил кадровик, не предполагавший даже, какими проблемами может для него в будущем обернуться этот разговор.

– Спасибо, товарищ капитан, за консультацию, – поблагодарила его Таня и ушла.

Прошло шесть лет.

И вот однажды весной в управление КГБ пришла красивая, стройная девушка и обратилась к дежурному с просьбой вызвать сотрудника отдела кадров капитана Новикова. Дежурный ей ответил, что капитана Новикова у них нет, а есть подполковник Новиков, помощник начальника управления по кадрам.

Девушка сказала, что за время, прошедшее с их последней встречи, капитан вполне мог стать подполковником, и когда она его увидит, то сразу скажет, он это или нет.

Дежурный позвонил Новикову, тот вышел, и девушка сразу его узнала. Новиков долго не мог понять, в чем дело, пока она не напомнила ему, что ее зовут Таня и когда-то он объяснял ей, как «стать разведчицей».

Тут уж Новиков сразу все вспомнил, потому что подобных разговоров у него никогда и ни с кем больше не было, да и об этом необычном разговоре он потом неоднократно всем рассказывал, как об анекдотичном случае из своей кадровой практики. Они оба с удовольствием вспомнили свою давнюю беседу и даже посмеялись над наивностью шестнадцатилетней девочки, и вдруг Таня вполне серьезно сказала,

что она выполнила все рекомендации Новикова и готова дать полный отчет о проделанной работе.

Новиков буквально обалдел, хотя за свою жизнь повидал многое и удивить его было очень трудно. А Таня тем временем рассказала, что она учится на последнем курсе института иностранных языков, надеется закончить его с отличием, свободно владеет английским, немецким и датским языками, в числе лучших студентов была в ГДР и на трехмесячной стажировке в Англии, изучает еще норвежский и шведский, что она член институтского комитета комсомола, кандидат в члены партии, кроме этого, имеет первый разряд по бегу, хорошо играет в теннис, волейбол, катается на водных лыжах, водит автомашину, правда, с парашютом не прыгала, но в любой момент готова, и что теперь, когда она выполнила все указания Новикова, она просит принять ее на работу в разведку.

Новиков попытался обратить все в шутку, объяснить, что произошло недоразумение, что Таня не так его поняла, он даже не предполагал, что она после их разговора всерьез займется подготовкой к разведывательной работе.

Выслушав его, Таня сказала:

– Простите, товарищ подполковник, я что-то не пойму! Шесть лет назад я в этом самом здании разговаривала с офицером Комитета госбезопасности, и он мне вполне ответственно разъяснил, что я должна сделать, чтобы стать разведчицей. За эти годы по его рекомендации я проделала гро-

мадную работу. И вот после того, как я овладела, получила, стала, закалила, смогла и т. п., он говорит мне, что это была шутка! В таком случае я прошу организовать мне встречу с начальником управления, я хочу спросить его, почему в Комитете госбезопасности работают такие безответственные шутники, как вы!

Новиков был в шоке.

– Поймите, Танечка, – как можно ласковее сказал он, – но наше управление не занимается набором кадров в разведку!

– А кто занимается? – спросила Таня.

– Ну, этим делом занимаются в Москве, – нерешительно промямлил Новиков.

– Хорошо, – сказала Таня, – тогда направьте меня в Москву!

Она загнала Новикова в угол, и тогда он предложил ей зайти через несколько дней, полагая, что за это время он успеет посоветоваться с начальником управления и они вместе придумают, как выйти из этого положения.

И действительно, поразмыслив как следует, они решили направить ее на медкомиссию и «зарубить» по здоровью. В таких случаях легче всего придрататься к зрению. Так и поступили: дали ей направление в поликлинику управления и одновременно договорились с офтальмологом, что он обнаружит у нее какие-нибудь «дефекты» и даст заключение о ее непригодности для работы в органах госбезопасности.

Врач был человеком дисциплинированным и, получив та-

кое указание, быстренько проверил у Тани зрение и сказал, что она не подходит для такой серьезной работы.

Таня спокойно его выслушала и попросила:

– А вы можете дать мне справку и указать в ней, что именно у меня не в порядке с глазами?

Врач ответил, что таких справок поликлиника УКГБ не дает.

Тогда Таня попросила объяснить ей на словах, все дословно записала на бумажке, поблагодарила и ушла.

Новиков облегченно вздохнул, но его надежды на то, что Таня откажется от своей мечты, не оправдались.

Через несколько дней Новикову позвонил главный врач поликлиники и сказал, что у него в кабинете находится Таня, которая прошла детальное обследование в городской глазной клинике, где ей выдали официальный документ, что с глазами у нее полный порядок, и вот после этого обследования она вновь пришла в поликлинику и заявила:

– Ваш офтальмолог совершил должностной подлог! Это не только подлость, но и преступление! Если вы не дадите ему указание повторно меня обследовать, а он не изменит свое заключение и помешает мне стать тем, кем я хочу, я подам на него в суд! А на вас напишу жалобу!

Не на шутку перепуганный главврач не захотел иметь неприятности и потому сказал Новикову:

– Борис Аркадьевич сделайте со мной что угодно, но я даю ей заключение, что она абсолютно здорова и может работать

в органах госбезопасности! А там поступайте, как считаете нужным!

После этого Новикову ничего не оставалось, как сообщить о настойчивой девушке в Москву, сделав оговорку, что они конечно считают ее просьбу наивной, но тем не менее просят рассмотреть и сообщить о принятом решении.

К его удивлению, в Москве к стремлению Тани стать разведчицей отнеслись без иронии и предложили после завершения учебы в институте направить ее к ним на собеседование.

В Москве с Таней побеседовали, потом она снова прошла тщательное медицинское обследование, выдержала разнообразные контрольные тесты, показав при этом незаурядные способности, и вскоре была зачислена в управление нелегальной разведки КГБ.

Но к работе приступила не сразу, а лишь через три года, в течение которых проходила полный курс наук по новой для себя специальности и получала соответствующую квалификацию.

Как только в процессе учебы стало ясно, что из Тани выйдет толк, встал вопрос о том, чтобы подобрать ей подходящую пару, то есть найти хорошего партнера, который стал бы ей не только начальником, но по возможности и мужем, потому что одинокой разведчице за границей было бы чрезвычайно трудно справиться со всем многообразием служебных и личных проблем. Их и в обычной-то жизни хватает, а

уж в той, которая предстояла Тане, их будет столько, что и представить страшно...

Как я потом узнал, в качестве ее партнера рассматривалась и моя кандидатура, но я в тот момент находился за рубежом на нелегальной стажировке, и поэтому решили подождать моего возвращения и тогда определиться окончательно. А тут произошла эта печальная история с курьером, меня отозвали, вариант попробовать сделать из нас пару отпал, и вопрос о дальнейшем использовании Тани вообще зашел в тупик.

Рассказывая мне эту историю, мой непосредственный начальник посетовал, что есть замечательная сотрудница, на которую они возлагают большие надежды, а как ее использовать, никто придумать не может, а время идет, и легенда, которая для нее разработана, стареет, а подготовить новую легенду, как известно, не просто, нужны новые документы и много чего еще.

Я все же очень надеялся, что через какое-то время ситуация с моим паспортом прояснится и я уеду туда, куда намечалось, а потому предложил:

– А что, если послать ее пока одну, пусть освоится на месте, а там, глядишь, и я подъеду. Конечно, если мы с ней подойдем друг для друга и найдем общий язык.

Начальник подумал и решил так:

– Ну ладно, посылать ее одну или не посылать – это мы

будем решать особо. А вот познакомиться вам действительно не мешает, только раскрываться тебе перед ней не следует. Это на тот случай, если не доведется вам вместе работать. Присмотрись к ней как следует, опыт у тебя есть, да и проблемы, с которыми она столкнется за границей, тебе хорошо известны.

– А «как следует» – это как? – на всякий случай уточнил я, чтобы чего-нибудь не напутать в процессе этого знакомства.

Начальник многозначительно посмотрел на меня и ответил:

– Это значит аккуратно, обстоятельно, но не выходя, как говорится, за рамки. И смотри, чтобы она тебя не расшифровала, глаз у нее острый.

Последнее замечание меня, откровенно скажу, задело. В ту пору я по молодости лет был человеком довольно самонадеянным, и перспектива быть расшифрованным не слишком опытной сотрудницей показалась мне маловероятной. Я-то уже, как-никак, побывал на нелегальной стажировке и считал себя если не крупным разведчиком, то уж во всяком случае более сведущим в некоторых особенностях нашей профессии, чем она.

Мы тут же прикинули, как лучше организовать наше знакомство, и, в соответствии с разработанным планом, через пару дней я вылетел в Адлер. Так или иначе, но мне полагался отпуск, и я согласился использовать его, чтобы соединить приятное с полезным. Хотя, если говорить честно, я не со-

мневался в полезности этой затеи, а вот в том, что это будет приятно, у меня никакой уверенности не было.

В аэропорту Адлер к рейсу из Москвы подали «Волгу», которая и доставила меня и еще двух отдыхающих, прибывших этим же рейсом, в совминовский санаторий «Сочи».

Поселили меня в недавно построенном корпусе, которому дали название «Приморский». Название это было придумано очень удачно и полностью соответствовало расположению корпуса. Это, без всякого преувеличения, уникальное сооружение высотой в одиннадцать этажей стояло прямо на пляже, так что во время шторма волны били в его бетонное основание, а отвесный скалистый берег был как раз на уровне девятого этажа. На этом этаже располагалась столовая и большой танцевальный зал, а еще выше – киноконцертный зал и почта.

Вот на этой почте я и обратил внимание на двух экстравагантных дам средних лет (вообще-то они были даже чуть старше, но мне не хотелось бы их обижать), одна из которых была мне знакома в лицо, поскольку являлась народной артисткой из МХАТа, а вторая оказалась вдовой одного очень известного академика. Они были старыми подругами и ежегодно в театральное межсезонье ездили вместе в этот санаторий.

Пока мы стояли в очереди, я стал невольным свидетелем их разговора и узнал, что накануне уехала какая-то супружеская пара, сидевшая с ними за одним столом, и теперь их

очень волновал вопрос, кого к ним подсадят. Я проникся к ним искренним сочувствием, поэтому, придя пораньше на обед, подкараулил их возле столовой, посмотрел, куда они сели, и, сдав дежурной по столовой свое направление, попросился за их стол.

Так я оказался в обществе этих дам. А дальше все было очень просто, во всяком случае для профессионала, с отличием закончившего полный курс наук, куда входила и наука устанавливать контакты с нужными людьми, в том числе и с экстравагантными дамами средних лет...

Кстати, это не так сложно, как может показаться, подобной премудрости обучали во многих учебных заведениях капиталистических и развивающихся стран, особенно в высших административных школах и на курсах по подготовке менеджеров, и только в нашей стране этот весьма полезный предмет, впрочем, как и многие другие, никак не находил себе места в программе учебных заведений, если не считать некоторых заведений закрытого типа.

В пользе подобной науки я убеждался неоднократно. Так, в одной из командировок у меня никак не складывались отношения с советником-посланником нашего посольства, я долго не мог понять, в чем дело, и хотя, в общем-то, на моей основной работе это никак не отражалось, наши постоянные стычки раздражали меня и изрядно портили мне настроение. Я применил некоторые специфические приемы и

выяснил, что всему виной его молодая жена из бывших мидовских машинисток, взбалмошная и скандальная баба с интеллектом курицы, которая непонятно по какой причине возненавидела меня, а затем и у мужа создала обо мне превратное представление.

Когда я узнал, какими эпитетами она меня награждает в «узком кругу ограниченных людей», мне захотелось сделать ей какую-нибудь пакость (в конце концов, я тоже живой человек, и мне не чужда такая слабость, как отрицательная реакция на оскорбительные высказывания в мой адрес), но потом я подумал, что ее отношение ко мне после ответных мер не станет лучше. А если учесть, что их квартира может прослушиваться местной контрразведкой, то утечка такой тенденциозной информации может мне дорого обойтись, и поэтому будет намного разумнее, если я сумею каким-то образом воздействовать на нее и заставлю изменить отрицательное мнение о моей персоне.

И тогда я резко изменил свое отношение к этой курице. Если раньше я просто игнорировал ее как женщину, достойную внимания, то теперь не упускал случая, чтобы не сказать ей какой-нибудь комплимент по поводу ее внешности (тут мне приходилось поступаться своими принципами и откровенно лгать), туалетов (это было намного легче, потому что одевалась она хоть и безвкусно, но зато в продукцию лучших домов мод Европы) или смехотворных попыток изображать из себя настоящую светскую даму.

Но мое особое восхищение стали вызывать ее занятия теннисом. Когда она, потрясая дряблыми бедрами, изъеденными целлюлитом, в коротенькой белой юбочке и прочем теннисном одеянии появлялась на корте в загородной резиденции посла и, неуклюже помахав ракеткой у стенки, садилась передохнуть, я старался обязательно сказать что-нибудь лестное по поводу ее потрясающего прогресса, красоты и грации движений и вообще наговорить всяких глупостей, единственный смысл которых состоял в том, чтобы доставить ей удовольствие.

При всем негативном ко мне отношении она признавала мой бесспорный авторитет в области спорта и, как и всякая тщеславная женщина, принимала все за чистую монету.

В общем, не прошло и двух месяцев, как она кардинально изменила свое мнение обо мне, о чем мне тут же поведали верные люди из ее ближайшего окружения. А вслед за этим у нас наладились отношения и с ее мужем, неплохим в целом мужиком, главное несчастье которого состояло в том, что его угораздило жениться на этой дуре.

...Вот и в сочинском случае я довольно быстро установил самые теплые отношения с актрисой и вдовой академика, пожалуй, с вдовой даже более теплые, потому что актриса за свою длительную театральную карьеру была избалована мужским вниманием и мне было трудно ее чем-нибудь удивить. Вдова же долгие годы была верной женой своего ака-

демика, а после его смерти оказалась в том возрасте, когда привлечь к себе бескорыстное внимание мужчин уже сложно. Кроме того, по специальности она была переводчицей, и в основе установившейся между нами дружбы были еще длительные беседы на доступном нам обоим французском языке, которые мы вели, пока актриса была на процедурах.

Я выдавал себя за журналиста-международника из Агентства печати «Новости» и своим глубоким анализом внешнеполитических проблем, а также рассказами о зарубежных поездках и встречах с интересными людьми всего за каких-нибудь пару дней буквально очаровал моих доверчивых соседак по столу. И делал я все это не без тайного умысла, о чем они, естественно, не подозревали.

Через четыре дня в санатории должна была появиться Таня. Мы условились с нашим общим начальником, что она приедет позже, чтобы у меня было некоторое время на подготовку и обзаведение полезными связями. Накануне ее приезда я позвонил в Москву, оттуда позвонили в сочинский горотдел КГБ, а сочинские товарищи связались с заместителем начальника санатория по режиму. По их просьбе он проделал одну нехитрую комбинацию, и когда Таня прибыла в санаторий, ее посадили за стол, где сидели народная артистка, вдова академика и очаровавший их тридцатилетний журналист-международник, да к тому же холостяк.

Правда, меня за столом не оказалось: еще накануне за ужином я предупредил своих дам, что получил из редакции

задание встретиться с отдохавшим на Пицунде иностранным политическим деятелем и взять у него интервью, в связи с чем рано утром уеду и буду отсутствовать два-три дня. Пока Таня осваивалась в новой обстановке и слушала болтовню своих соседок по столу, я загорал и занимался подводной охотой в районе знаменитого мыса, где меня приютили местные пограничники.

Надо сказать, что Таня сразу понравилась обеим дамам. Актриса обнаружила у нее несомненные актерские способности и предложила сделать ей протекцию для поступления в театральную студию при МХАТе, вдова академика нашла у нее другие достоинства, и в результате обе подружки взяли над ней шефство. Вокруг Тани, конечно, сразу же стали вертеться какие-то нагловатые мажоры, старавшиеся вовлечь ее в свою молодежную компанию, но она вела себя с ними независимо и строго, к тому же подружки посоветовали ей не поддаваться соблазнам и подождать возвращения соседа по столу, которому они дали самую лестную характеристику.

В общем, пока я отсутствовал, мои дамы, особенно вдова академика, с которой, как я уже отмечал, у меня сложились более доверительные отношения, прожужжали Тане все уши по поводу моих достоинств и тем самым избавили меня от необходимости вообще что-либо о себе рассказывать. На это я и рассчитывал, когда заводил знакомство и обхаживал моих дам, потому что нет более верного способа испортить отношения с такой всесторонне подготовленной девушкой,

как Таня, чем заниматься саморекламой.

За время моего трехдневного отсутствия дамы так истосковались по мне, а Таня была уже под таким впечатлением от их рассказов, что, когда я однажды вечером появился в санатории, это вызвало у них бурю восторгов. Правда, были опасения, что мой образ, который сложился в Танином воображении в результате всех этих разговоров, окажется лучше оригинала. Так довольно часто бывает, когда слышишь вокруг охи да ахи по поводу какого-нибудь человека, книги, фильма, спектакля или события, а потом увидишь, прочитаешь, разберешься – и... разочаруешься. Но я очень рассчитывал на интеллигентность и вызванное, несхожим жизненным опытом различие в критериях оценок моих дам, которые и должны были обеспечить необходимую мне объективность их суммарного мнения, и не ошибся. К моему возвращению Таня была готова к тому, чтобы наши отношения развивались так, как будто мы были давно и близко знакомы.

Я не проявлял никакого интереса ни к ее биографии, которая была мне хорошо известна, ни к легенде, под которой она выступала в санатории, выдавая себя за сотрудницу бюро переводов одного министерства оборонного профиля, о чем мне сразу же поведала вдова академика, то есть не делал тех тривиальных глупостей, которые сразустораживают не только профессионалов, но и не имеющих никакого отношения к секретным службам людей, когда к ним лезут в душу. Наверное, поэтому между нами быстро установились

ровные и дружеские отношения, которые приводили в умирение моих дам.

Правда, актриса в какой-то момент, как мне показалось, приревновала меня к Тане, но не как к сопернице, отбивающей у нее мужчину, а как к объекту, на который теперь будет отвлекаться часть моего внимания, поскольку она привыкла, чтобы все внимание окружающих ее мужчин было обращено только на нее. Но я учитывал особенности ее характера и старался вести себя так, чтобы в нашем дружном застольном коллективе не возникало разногласий.

Так прошла примерно неделя.

День мы проводили на пляже, вечером ходили в кино, сидели в баре, танцевали. Таня плавала неважно, вода явно была не ее стихия, и я, не скрою, откровенно пижонил перед ней, демонстрируя различные стили плавания или проныривая под водой от одного волнореза до другого, а между ними, как-никак, было около восьмидесяти метров.

Однажды вечером мы, как обычно, посидели в баре, потом поднялись в танцевальный зал, где под звуки местного музыкального ансамбля я по очереди танцевал с каждой из своих дам либо мы становились в круг все вместе, чтобы попрыгать в каком-нибудь групповом танце.

Наплясавшись до упаду, многие отдыхающие по установившейся традиции пошли купаться, тем более что для этого надо было всего лишь переодеться, взять полотенце и спуститься на пляж.

К вечеру поднялась небольшая волна, и мне пришлось плавать рядом с Таней, страхуя ее от возможных неприятностей. Волнение быстро усиливалось, многие отдыхающие сочли за лучшее не искушать судьбу и поплыли к берегу. Когда мы с Таней наконец вышли из воды, берег был совершенно пуст, и только у расположенного на цокольном этаже московского телефона-автомата толпились отдыхающие.

Я любезно подал Тане полотенце, как делал это при каждом вечернем купании, и, пока она, повернувшись ко мне спиной, вытиралась, наблюдал за ее грациозными движениями, как делал много раз до этого вечера. Но раньше эти достаточно эротические сцены при лунном свете заканчивались без каких-либо последствий, а тут я вдруг, повинувшись непреодолимому влечению, подошел к ней сзади, осторожно обнял за плечи и уткнулся в ее мокрые волосы.

Конечно, в этот момент мне и в голову не пришло, что я нарушаю указания своего руководства! Раскаяние пришло несколько позже.

Таня затихла в моих объятиях, и мы молча простояли так около минуты, слушая, как волны накатываются на берег.

Потом я отпустил ее, мы так же молча оделись и ушли в корпус. В лифте и коридоре, пока я провожал ее до дверей палаты, мы тоже молчали. Меня одолевали угрызения совести за мой порыв, я ощущал определенную неловкость, не так чтобы очень, но все же, и обдумывал, как бы потактичнее выйти из этого, как мне казалось, довольно деликатного

положения.

Возле ее палаты мы остановились, и только я собрался что-то промямлить в свое оправдание, как Таня вдруг спросила:

– У твоего соседа завтра есть процедуры?

Моим соседом по палате был сотрудник Министерства внешней торговли. Недавно он вынужден был досрочно вернуться из загранкомандировки, потому что попал в автоаварию и серьезно пострадал. Ему прописали массу всевозможных процедур, и назавтра, насколько я помнил, ему предстояла вытяжка позвоночника и еще какие-то мучения.

Когда я, не понимая еще, зачем ей понадобилась эта информация, сообщил об этом Тане, она как-то буднично, как будто говорила это в сотый раз за свою жизнь, сказала:

– Не ходи завтра на пляж. Я приду к тебе...

Сказала и скрылась за дверью, не дав мне даже возможности пожелать ей спокойной ночи.

Я был просто поражен ее словами.

Первая мысль, которая пришла мне в голову: «Не знаете вы свои кадры, уважаемые товарищи начальники, плохо вы их изучаете, понабирали всяких...», ну и так далее.

Но отступать было поздно, к тому же бывают ситуации, когда уважающий себя мужчина отступать не имеет права.

Поразмыслив основательно, я решил идти до конца и посмотреть, чем все это закончится, дав себе слово не предпринимать никаких действий, которые могли бы спровоци-

ровать Таню на необдуманные поступки.

На следующий день после завтрака я вернулся к себе в палату, сел на балконе и стал ждать.

Мой сосед тем временем собрался и ушел в процедурный корпус.

Прошло еще несколько минут, и раздался стук в дверь.

Я открыл, в палату вошла Таня и остановилась в маленьком коридорчике. Как только я закрыл дверь на защелку и обернулся, Таня, не говоря ни слова, прижалась ко мне, обняла меня за шею и с такой страстью поцеловала, что мне ничего не оставалось, как, забыв все свои благие намерения, ответить ей тем же...

Мои упреки в адрес руководства оказались совершенно безосновательными!

Потом я долго размышлял над тем, как Тане удалось до двадцати пяти лет сохранить девственность и почему она решила, что именно я должен стать ее первым мужчиной. Я придумывал разные объяснения ее поступку, но ни одно из них не казалось мне достаточно убедительным. Больше всего меня смущало то обстоятельство, что после этого неординарного для нормальной девушки события в наших взаимоотношениях, по крайней мере на людях, не произошло никаких видимых изменений. Мы оба так умело соблюдали конспирацию, что даже актриса вместе со своим невероятным

житейским опытом и актерской интуицией, не говоря уже о ее менее искушенной подруге, ничего не заподозрила.

Мне даже пришла в голову мысль, что все случившееся – это прихоть взбалмошной девчонки, вообразившей себя Мата Хари и отрабатывающей на мне какие-то свои, присущие только женщине приемы, с помощью которых она намерена в дальнейшем оболыщать и потрошить носителей государственных секретов.

Что касается меня, то я оправдывал свое конспиративное поведение исключительно необходимостью беречь честь своей возлюбленной и в собственных глазах выглядел истинным рыцарем.

Мы никогда не говорили о наших чувствах, все происходило настолько естественно, что задавать какие-то вопросы или требовать каких-то признаний было просто пошло и глупо. К тому же мы так подошли друг другу, ее женское естество, сдерживаемое до сих пор невероятными самоограничениями, стало раскрываться так быстро и с такой нарастающей силой, она отдавалась мне с такой искренней страстью, с таким упоением, что вскоре я выкинул из головы все свои сомнения, решив отложить анализ этого происшествия до той поры, когда мы расстанемся, я вернусь в Москву и сяду писать отчет.

Прошла еще неделя.

Из всех возможных оздоровительных процедур, имев-

шихся в богатом арсенале совминовского санатория, я выбрал себе только лечебную греблю и периодически катал поодиночке (больше двух в лодку садиться не разрешалось) своих дам на лодочке вдоль пляжа.

И вот однажды, посадив утром в санаторную «Волгу» актрису и вдову академика, улетавших в Москву, сели мы с Таней в лодочку, и я выгреб к буйкам, ограничивающим зону лодочного катания.

Гребу я себе потихоньку, стараясь удерживать лодочку поперек небольшой волны, а Таня сидит на корме, смотрит на меня и вдруг спрашивает:

– Миша, тебе никогда не предлагали работать в Комитете госбезопасности?

От этого неожиданного вопроса я едва не сбился с ритма, даже «поймал леща», как говорят гребцы, когда идущее назад весло цепляет воду. Но потом я вспомнил, что в моей оперативной памяти хранится несколько «домашних заготовок» на тот случай, если мне когда-нибудь в деликатной ситуации придется отвечать на вопрос о моей возможной или реальной принадлежности к КГБ. Восстановив чистоту гребков, я выбрал наиболее подходящую заготовку и спокойно ответил:

– Когда я заканчивал университет, со мной беседовали на эту тему, но я отказался.

– Почему? – спросила Таня.

– Я тогда считал, да и сейчас считаю, что чекист из меня

не получится. Надо обладать какими-то особенными качествами, а я, как мне кажется, обычный человек и не гожусь для этой работы.

– Напрасно ты так думаешь. Из тебя бы получился отличный разведчик, поверь мне!

Ее пронизательность, конечно, делала ей честь. Но она совершила большую ошибку, по своей инициативе затронув опасную для нее тему, и мне не составило большого труда наказать ее за это.

– А ты почему знаешь? – задал я ей вполне логичный вопрос и приготовился выслушать ее путанные объяснения, потому что на него не так-то легко было ответить.

– Да уж знаю! – несколько не смутившись, ответила Таня и посмотрела мне прямо в глаза. А потом так же спокойно и без всякого смущения поведала, что сама является сотрудницей разведки и скоро ей предстоит выехать в длительную заграничную командировку.

Я выслушал ее, не перебивая, а потом спросил:

– А зачем ты мне все это рассказала? Насколько я понимаю, ты не должна никому об этом рассказывать.

– Не должна, ты прав, – подтвердила Таня. – Но я очень люблю тебя. Скоро мы расстанемся навсегда, и я хочу, чтобы ты знал, с кем проводил время.

Итак, все случившееся с нами только подтвердило старую, как этот мир, истину: если для настоящего мужчины главное дело, то для настоящей женщины главное любовь!

Таня смотрела на меня, и глаза ее были полны слез. Она, наверное, думала о нашем скором расставании, а я думал о том, чего она пока не знала: ее карьера разведчицы закончилась, так и не начавшись. Потому что она действительно никому, ни при каких обстоятельствах не имела права рассказывать о своей принадлежности к нелегальной разведке. И то, что она любила меня, и то, что я был таким же, как она, разведчиком (о чем она, впрочем, не знала), не являлось для нее смягчающим обстоятельством.

Почти десять лет она была одержима мечтой стать разведчицей, прошла ради этого через многочисленные испытания и воистину каторжный труд, а когда ее мечта сбылась и она вышла на финишную прямую, вдруг так примитивно сорвалась.

Мне было искренне жаль ее, но я понимал, что она переоценила свои возможности, разведка – это не ее дело, ей нельзя ехать ни в какую заграничную командировку, для этого у нее слишком импульсивный характер, при определенных обстоятельствах она может сорваться, как сорвалась здесь, в Сочи, и погибнуть! Кстати, на ее импульсивность я обратил внимание еще тогда, когда начальник рассказывал мне историю ее, прямо скажем несколько необычного прихода на работу в разведку.

Через несколько дней я уехал.

Наше расставание было спокойным и грустным. Таня не

поехала в Адлер меня провожать. Мы не обменивались телефонами, не договаривались о встрече в Москве, не обещали помнить друг друга, не говорили всяких глупостей, мы даже не поцеловались, а только заглянули на мгновение в глаза и расстались...

У меня оставалось несколько дней от отпуска, и я сознательно не пошел в управление, чтобы не докладывать начальнику о том, какая странная история приключилась с нами в Сочи, рассчитывая, что к Таниному возвращению придумаю, как поделикатнее все это изложить.

Все это время меня не покидало ощущение какой-то вины перед этой славной девушкой, которая не рассчитала свои душевные силы и так неосторожно доверилась малознакомому человеку.

Буквально за день до Таниного возвращения в Москву руководство приняло окончательное решение о нецелесообразности моего использования на нелегальной работе. Если бы я в Сочи знал, что так случится, меня с полным основанием можно было бы обвинить в использовании служебного положения в личных целях. Но знать я этого, безусловно, никак не мог, хотя, конечно, кое-какие поводы для того, чтобы это предвидеть, у меня были.

Так или иначе, но теперь, когда судьба, видимо, посочувствовав моей личной неустроенности в изменившихся обстоятельствах, предоставила мне такой шанс, я не стал его упускать.

Я встретил Таню в аэропорту Внуково. Наш разговор был недолгим, но весьма содержательным, и в тот же день мы официально стали мужем и женой.

В том, что это произошло так быстро, не было ничего удивительного: отношение Тани ко мне я знал, а что касается меня, то я влюбился в нее с первого взгляда. Проблем с регистрацией брака у нас тоже не было, потому что в ЗАГСе мы, кроме паспортов, предъявили удостоверения сотрудников КГБ и сказали... Впрочем, это уже детали.

На следующий день вместо ожидаемого отчета о проделанной в Сочи работе я положил на стол руководства управления документ, исполненный на гербовой бумаге.

– Вашу мать! – от избытка эмоций вырвалось у моего непосредственного начальника. Но потом он взял себя в руки и, оправившись от шока, задал риторический вопрос:

– Ну и что нам теперь прикажете с вами делать?

Я скромно потупил взор и пожал плечами, всем своим видом давая понять, что безропотно приму любое решение.

...И вот одиннадцать лет спустя Таня сидела рядом со мной в машине, а сзади снова верхом на подлокотнике устроилась наша девятилетняя дочь, и все вместе мы ехали в конноспортивный клуб, где каждого из нас ждали свои дела...

Глава 4

На одном из перекрестков примерно на половине пути до конноспортивного клуба «ситроен» отвалил в сторону и уступил место темно-синему «фиату». Под его бдительным присмотром мы и доехали до автостоянки, на которой парковали свои машины члены клуба.

Пока я вытаскивал из багажника сумку со снаряжением, к Иришке подскочили уже ожидавшие ее у входа подружки, и она вместе с ними умчалась в сторону пони-клуба.

Я всегда удивлялся, как моментально находят общий язык дети разных рас и народов. Однажды мы приехали в гости к одной очаровательной супружеской паре, причем глава семьи был бельгийским дипломатом, а его жена гречанкой. У них в тот день собрались на вилле выходцы едва ли не из всех стран Европы. И вот детвора, говорившая, наверное, на десятке разных языков, затеяла игру под названием «полицейские и воры», напоминающую наших забытых уже «казачков-разбойников». В одну минуту они разделились на две команды, причем каждая команда мгновенно разработала тактику своих действий, и подняли такой разноязыкий гвалт, при всем при том превосходно понимая любую команду на любом языке, что все приглашенные только диву давались.

Особенно всех поразило, как свободно ориентировалась

в этой сложной обстановке Иришка, поскольку всем почему-то казалось, что ей будет труднее всех. Но, во-первых, это смышленное дитя довольно умело скрывало свои не такие уж скудные познания в нескольких языках, а во-вторых, и это тоже ужасно поразило остальных гостей, их собственные дети оказались чрезвычайно восприимчивы к русскому языку. Это дало повод одному из гостей пошутить, что, когда русские оккупируют всю Европу, по крайней мере, с пониманием команд у населения не будет особых проблем.

Вот такие «шуточки» иногда отпускали в этом изысканном обществе! Бывали, конечно, и похуже, и тогда приходилось давать отпор, но в тот раз все обошлось, я только сказал шутнику, что наши дети мудрее нас, и, если мы не будем вдавливать в них наши предрассудки, они никогда не повторят наших ошибок, и тогда никому и в голову не придут подобные глупости.

Сопровождавший нас «фиат» остановился метрах в пятидесяти от автостоянки, из него вышли два хорошо знакомых мне сотрудника контрразведки и направились в ближайшую пивнушку. Они знали: раз я приехал в конноспортивный клуб, это надолго, по меньшей мере часа на два, и всегда пользовались возможностью передохнуть и выпить пива за казенный счет, потому что посещение пивнушек во время слежки за объектом квалифицируется как оперативная необходимость, и в таких случаях расходы на пиво тоже от-

носятся к категории оперативных. В этом смысле пассажирам «фиата» повезло гораздо больше, и я посочувствовал парню в светлой рубашке с галстуком, сидевшему в «ситроене», который сопровождал меня только на первой части маршрута и, таким образом, был лишен возможности выпить за казенный счет...

То, что мои соглядатаи никогда не заходили в клуб, а коротали время за кружкой пива в расположенной неподалеку пивнушке, не столько объяснялось тем, что они боялись себя расшифровать, сколько тем, что наблюдение за мной в самом клубе вели осведомители контрразведки из числа обслуживающего персонала. Это меня очень устраивало, потому что давало возможность в случае необходимости уйти из-под этого непрофессионального наблюдения. Делал я это очень просто: передевался в спортивный костюм и кроссовки и убегал на пробежку. Бармены, конюхи, уборщики территории или кто там еще, сотрудничавшие с контрразведкой и имевшие задание следить за членами клуба, были привязаны к своему рабочему месту и бегать со мной не могли, а если бы и могли, самое большее, на что они могли рассчитывать, это продержаться за мной несколько сотен метров, потому что я бегал довольно быстро.

Конноспортивный клуб располагался на огромной территории, здесь было несколько конкурных полей, два скаковых круга, прогулочные трассы и много чего еще. Вся террито-

рия была обнесена зелеными насаждениями, кое-где на открытых участках был даже забор, но в принципе покинуть территорию не составляло большого труда, что я периодически и делал, если мне требовалось на какое-то время уединиться. Стоило выбежать за территорию и воспользоваться такси или помощью своего коллеги, который именно в этот момент проезжал мимо на своей машине, и за тридцать-сорок минут можно было уехать очень далеко и успеть очень много, а через час как ни в чем не бывало прибежать туда, откуда обычно начинались мои пробежки.

У пробежек этих тоже была своя история, потому что мне не сразу пришла в голову мысль использовать их для проведения операций по связи. Дело в том, что в конноспортивный клуб я возил жену и дочь, а сам ничем не занимался. Иришка пристрастилась к прогулкам на пони, а Татьяна, используя свою неплохую спортивную подготовку, решила в интересах дела освоить еще и верховую езду и хоть чем-то помочь мне в работе.

Клуб посещали весьма интересные люди, причем верховой ездой занимались не только они сами, но и их жены, и это открывало перед Татьяной неплохие возможности. Она быстро перезнакомилась со многими женами, стала с ними общаться и быстро разобралась, чем занимаются их мужья. Правда, среди этих мужей не нашлось пока никого, кто был бы интересен лично мне, учитывая мою специализацию, но в резидентуре были представители и других направлений, и по

наводкам Татьяны неплохо работали уже несколько наших коллег. Так что она честно отработывала те деньги, которые платила резидентура за ее увлечение верховой ездой.

Я же не стал заниматься конным спортом по той простой причине, что у меня не было своей лошади. Это только в наших спортивных секциях все, в том числе и лошади, мотоциклы, яхты и любой другой дорогостоящий инвентарь, предоставляется бесплатно, а за границей за все надо было платить: хочешь заниматься верховой ездой – купи себе скаковую лошадь и катайся на ней сколько твоей душе угодно!

Таких денег у меня, конечно, не было, а ездить на тех клячах, которые предоставлял клуб в распоряжение начинающих ездоков вроде Татьяны, мне, как бывалому наезднику, не позволяла спортивная гордость.

Мне, правда, здорово повезло, и однажды я продемонстрировал свои навыки в верховой езде, завоевал определенный авторитет среди членов клуба, и этого было вполне достаточно, чтобы никто не задавал мне лишних вопросов. А случилось это при следующих обстоятельствах.

Татьяна познакомилась с одной очень милой девушкой, жених которой был совладельцем фармацевтической фирмы. Никакого оперативного интереса для нас он не представлял, и я сдружился с ним без всякого умысла, а просто потому, что у разведчика должны быть не только деловые связи, но и нейтральные, которые и обеспечивают ему необходимое прикрытие и зашифровывают его профессиональные

устремления.

Этот фармацевт был средним наездником, но конь у него был великолепный, благодаря чему в клубной классификации он котировался достаточно высоко, поскольку время от времени становился призером различных соревнований.

И вот однажды фармацевта призвали на военную подготовку. Перед отъездом он пригласил нас с Татьяной в ресторан и за десертом обратился с «большой просьбой»: в его отсутствие потренировать его скакуна, чтобы он не потерял форму. Свою просьбу фармацевт даже подкрепил обещанием хорошо мне заплатить. От денег я, конечно, отказался во избежание деликатной ситуации, которая могла привлечь внимание контрразведки, согласившись совершенно бескорыстно, так сказать, из дружеского к нему расположения погонять его жеребчика.

Вскоре фармацевт уехал повышать свою армейскую квалификацию, а я на все время его службы получил в свое полное распоряжение отличного коня и, надо прямо сказать, отвел душу, отдавая этому делу все свое свободное время. Тогда-то я и приучил моих соглядатаев пить пиво за казенный счет, чем, нисколько не сомневаюсь, заслужил их особое расположение, втайне надеясь, что когда-нибудь оно еще сослужит мне добрую службу.

Фармацевт вернулся с военных сборов буквально за несколько дней до крупных соревнований, которые проводились в клубе. На государственных харчах он прилично рас-

полнел, был к тому же совершенно растренирован, времени набрать форму у него уже не было, и я дал себя уговорить выступить на соревнованиях вместо него. Так я единственный раз принял участие в соревнованиях и даже одержал победу, чем горжусь до сих пор, потому что это моя единственная победа в конном спорте, в том числе за все время участия в соревнованиях по современному пятиборью. Причем выиграл я очень престижный вид.

Проводится он так: на расстоянии метров двенадцати одно от другого ставятся четыре препятствия высотой один метр, и все участники по очереди прыгают через них. Сбил препятствие – выбыл из соревнований, прошел все четыре чисто – выходишь в следующий круг. Затем препятствия поднимают на десять сантиметров, и все снова прыгают. Так происходит до тех пор, пока не останется кто-нибудь один, кого и провозглашают победителем. Вот я и остался один, после чего фармацевт, как обладатель лошади, получил солидный денежный приз, а я – кубок авиакомпании «Эр-Франс» и заслуженный авторитет на весь срок моего пребывания в стране.

Идея использовать пробежки, чтобы отрываться от наблюдения, пришла мне позднее, когда я стал готовиться к участию в традиционном национальном кроссе. Это массовое соревнование проводилось ежегодно, и в нем участвовали бегуны всех возрастов, от детского до старческого, в забегах на дистанциях от пятисот метров до двенадцати кило-

метров.

В программе этих соревнований был и забег на тысячу метров для «ветеранов», то есть бегунов старше тридцати девяти лет, причем специально проводился забег для иностранных участников, среди которых были дипломаты, сотрудники международных организаций и прочие пришельцы из других миров. Как только мне перевалило за тридцать девять, я на законных основаниях стал участником этих забегов.

Еще когда я не достиг этого переломного возраста и наблюдал за забегом «ветеранов» в качестве зрителя, я пришел к глубокому убеждению, что без особого труда смог бы его выиграть, поскольку у меня еще было достаточно прыти, чтобы после соответствующей подготовки пробежать километр в пределах трех минут. Так и случилось. Со старта я сразу же взял хороший темп и, ошеломив других «ветеранов», быстро оторвался от них метров на сорок, после чего спокойно добежал до финиша, контролируя ситуацию за своей спиной. Время, как я и предполагал, получилось неважное, даже хуже трех минут, но этого было достаточно, чтобы все «ветераны» признали мое безоговорочное превосходство и в последующие два года никто из них не пытался со мной состязаться, заранее уступая мне первое место.

Так я обеспечил себе хорошую легенду для тех, кто вел за мной наблюдение, и мои пробежки ни разу не навели их на мысль проследить, куда я на самом деле бегаю, или хотя бы

посчитать, набегаю ли я запланированный километраж, то есть разделить общее время пробежки на среднюю скорость, с которой я пробегаю один километр. Но любителям пива, видимо, было не до подобных расчетов: пиво, как известно, напиток тяжелый и не очень способствующий интенсивной умственной деятельности.

Остается добавить, что такие пробежки были полезны еще и тем, что по этим же самым тропинкам бегали и другие участники забегов «ветеранов», и среди них даже послы дружественных и недружественных государств, не говоря уже о советниках и секретарях посольств и прочих иностранцах всевозможных рангов и должностей. Оказалось, нет ничего лучше для знакомства и последующего развития отношений, как дать любителю профессиональный совет, освященный чемпионским авторитетом, либо пробежаться вместе с ним, а потом посидеть в сауне или постоять под душем. Как я заметил, совместно пролитый на тренировке пот и общение в чем мать родила очень сближали представителей различных социально-экономических систем!

Вообще спортивные занятия открывают перед разведчиком необъятные возможности! Но об этом как-нибудь в следующий раз...

Татьяна взяла у меня сумку и ушла в раздевалку, а я направился в сторону клубного бара. Там всегда собирались те, кто уже закончил тренировку либо, как и я, привез в клуб своих жен или детей, а также просто любители провести вре-

мя за стаканчиком виски с содовой или пастиса в компании интересных людей и обсудить происходящие в мире события. Вот и сегодня в баре было полно народу, и мне сразу замахали руками несколько моих знакомых, приглашая к своим столикам.

Я подошел к стойке, заказал чашечку кофе и хрустящую булочку, а потом присоединился к одной шумной компании, в которой были мои старые приятели – сотрудник центральной таможни Георг и представитель «Эр-Франс» Анри Лекруа, вручивший мне когда-то кубок за победу в преодолении препятствий. Здесь же сидел и муж той самой Элен, которая уже дважды приглашала нас в гости. Из-за него я, собственно, и присел к этому столу.

– С праздником тебя, Анри! – обратился я к Лекруа после того, как поздоровался с одними и ответил на приветствия других.

Лекруа недоуменно посмотрел на меня и спросил:

– С чем это ты меня поздравляешь, Мишель?

– Ну как же, Анри? Сегодня же годовщина Парижской коммуны! Разве вы уже не отмечаете этот день?

Лекруа стало явно неловко за свою забывчивость, и он смущенно сказал:

– Да, действительно, как это я запамятовал? Спасибо за поздравление, Мишель!

...Меня же его забывчивость совершенно не удивила. Од-

нажды похожий случай произошел со мной в бывшей французской колонии. Я вот так же поздравил тогда своих знакомых французов с днем взятия Бастилии и был буквально поражен тем, что они предали забвению один из самых славных дней в истории Франции. Видимо, не только в нашей стране многие люди забыли славные даты в истории своего народа, наверное, это общая примета нашего суетливого времени, явление, так сказать, мирового масштаба...

Мое появление на какое-то время отвлекло шумную компанию от обсуждавшейся темы, мы поговорили о разных пустяках, но затем в бар зашел еще один знакомый мне француз, я и его поздравил с праздником, и все повторилось снова: недоумение, разъяснение, смущение и общий смех.

А потом это превратилось в забавную игру. Как только в бар заходил кто-нибудь из французов, то Анри или один из попавших уже в неловкое положение его соотечественников поздравляли вошедшего с праздником, и все дружно смеялись, потому что никто не имел ни малейшего представления о том, какой сегодня день. Ну что ж, в этом тоже не было ничего удивительного: никому, конечно, не нравится, когда его одного выставляют на всеобщее осмеяние, всегда хочется высмеять кого-нибудь еще, чтобы было не так обидно.

Когда страсти, вызванные этими забавами, несколько улеглись, посетители клубного бара снова возвратились к наиболее привычному для них предмету всех застольных бе-

сед: к обсуждению политических проблем. Это были довольно интересные беседы, и, хотя освещение политических проблем в их чистом виде не входило в круг моих служебных обязанностей, какой же уважающий себя разведчик упустит такую возможность, чтобы почерпнуть что-нибудь полезное для своего ведомства?

Когда беседа коснулась ограничения стратегических вооружений, муж Элен обратился ко мне и спросил:

– А каково ваше личное мнение относительно этих переговоров?

– Мое личное мнение совпадает с мнением Советского правительства, изложенным в последнем заявлении ТАСС, – ответил я, хотя отлично знал, что мой ответ наверняка не устроит кое-кого из моих собеседников.

Знаю я эти штучки! На них иногда покупались некоторые молодые или не слишком квалифицированные разведчики, которые недостаточно твердо усвоили простую истину: по своему официальному положению в стране они являются дипломатами то есть полномочными представителями Советского государства, и по всем международным проблемам обязаны, именно обязаны, и никак иначе, придерживаться той точки зрения которой придерживалось Советское правительство, даже если она не во всем их устраивала. Как только такой «дипломат» начинал в порыве запальчивости излагать свое личное мнение, а личное мнение только тогда бывает действительно личным, когда оно хоть в чем-

то, пусть в самом малом отличается от официальной позиции правительства, даже самому неискушенному собеседнику становилось ясно, что он имеет дело с сотрудником разведки, потому что настоящий дипломат никогда не позволит себе подобных шалостей.

Но я был искушен в таких тонкостях, и поэтому, даже рискуя быть обвиненным в отсутствии собственных взглядов на происходящие в мире процессы, всегда твердо придерживался этого правила.

Пока шло обсуждение проблемы ограничения стратегических вооружений, в бар зашел еще один член клуба – среднего роста блондин лет тридцати пяти с внимательным, цепким взглядом серых глаз. Я обратил на него внимание еще несколько месяцев назад, когда он впервые появился в клубе, но никак не мог выяснить, кто он такой, потому что держался он всегда несколько обособленно и, насколько я мог судить, дружбы ни с кем из моих близких знакомых пока не водил. Сам он верховой ездой не занимался, а, как и я, привозил в клуб жену, которая занималась в одной группе с Татьяной.

Заметив блондина, один из участников нашей дискуссии поднял руку и позвал:

– Рольф, присаживайтесь к нам!

Блондин взял со стойки бара кружку пива, посмотрел в нашу сторону и не слишком любезно ответил:

– Извините, господа, но я не интересуюсь политикой.

– Ради вас мы готовы перейти на женщин, – засмеялся Ле-
круа, но Георг строго глянул на него и недовольно пробур-
чал:

– Анри, оставьте в покое этого шпика!

Я внешне никак не отреагировал на эти слова, как будто они меня совсем не заинтересовали, но про себя отметил: «Ага, значит, этого красавчика зовут Рольф, и он из поли-
ции! А может быть, из контрразведки?» – и решил получше к нему приглядеться, а при удобном случае даже попытаться познакомиться.

Это решение может показаться странным, и оно действи-
тельно было бы таковым, будь я «нормальным» разведчиком,
который, обнаружив в своем непосредственном окружении
сотрудника полиции, а тем более контрразведки, ни в коем
случае не должен допускать сближения с ним, потому что
это связано с опасностью разоблачения и провала. Но я был
«ненормальным» разведчиком, и моя специализация как раз
и подразумевала поиск сотрудников контрразведки и созда-
ние условий для сближения с ними в своих интересах. По-
этому в подобных случаях я придерживался иной линии по-
ведения, и перспектива общения с сотрудником контрраз-
ведки меня не только не пугала, но и была весьма заманчи-
вой.

Рольф сел за свободный столик, равнодушно поглядывая
по сторонам, выпил свое пиво и ушел из бара, мимо которого
из конюшни в сторону манежа уже потянулись наездники,

кто верхом, а кто держа свою лошадь на поводу.

Посидев еще некоторое время в обществе моих знакомых, я извинился и, сказав, что хочу посмотреть, как будет галопировать моя жена, тоже вышел из бара.

Всю неделю до этого стояла прекрасная погода, и впервые в этом году тренировка проводилась в открытом манеже.

Рольф стоял у барьера, ограждающего манеж, и смотрел, как наездники выстраивались в шеренгу.

Я тоже подошел к барьеру и встал в нескольких метрах от него, ожидая, когда возникнет удобный повод, чтобы естественно вступить с ним в разговор.

А тем временем около двадцати наездников и наездниц по команде тренера шагом двинулись по кругу манежа, потом перешли на рысь, потом на манежный галоп, потом снова на рысь, и все это время делали вольты направо и налево, меняли направление движения и делали другие перестроения. Когда разминка была закончена, им поставили низенькое препятствие, и они стали прыгать через него, сопровождая каждый удачный прыжок радостным воплем.

Я следил взглядом за Татьяной и, не буду скрывать, любовался ее посадкой. И не потому, что это была моя жена, вернее, не только потому, она и в самом деле очень красиво смотрелась верхом на лошади: хорошо держала спину, мягко работала поводом, а длинные и стройные ноги позволяли ей глубоко сидеть в седле, поэтому во время прыжка она почти не отрывалась от седла, только слегка приподнималась в

стременах и наклоняла тело вперед в такт движению лошади. К тому же, хотя все наездницы были одеты примерно одинаково – в бежевые или светло-серые бриджи и лакированные сапожки, Татьяна, на мой, пусть и пристрастный, взгляд, выглядела, конечно, элегантнее всех.

Она совершила подряд два удачных прыжка, после которых Рольф посмотрел в мою сторону и сказал:

– Я давно наблюдаю за вашей супругой. За последнее время она добилась поразительного прогресса!

– Спасибо, я передам ей ваш комплимент, – сказал я и, чтобы поддержать разговор, решил проявить ответную любезность. – Ваша жена тоже делает заметные успехи.

– Ну что вы, – возразил Рольф, – успехи моей жены намного скромнее. Почему вы не переводите Таню, – он со смягчением, которое делали все иностранцы, произнес ее имя, – в старшую группу?

В старшей группе занимались те, кто хотел подготовиться для участия в клубных соревнованиях. Татьяне не давало покоя желание сравняться со мной в спортивных достижениях, но все опять-таки упиралось в собственную лошадь, и поэтому ей было суждено до конца командировки заниматься в младшей группе.

Но я не стал разжевывать все это Рольфу, который все равно бы не понял, почему человек, находящийся на дипломатической работе, не может позволить себе или любимой жене такой пустяк, как собственная лошадь.

– Пока рановато, – ответил я, наблюдая за тем, как Татьяна заходит на третий прыжок. – Может быть, осенью, когда мы вернемся из отпуска...

Словно в подтверждение моих слов третья попытка оказалась неудачной: лошадь не выполнила ее команду и перед самым препятствием остановилась как вкопанная. Татьяну едва не выбросило из седла, она с трудом удержалась и растерянно посмотрела в мою сторону.

– Посылай энергичней! – крикнул я ей и даже показал жестом, что в таких случаях следует делать, чтобы не было закидки.

Мы какое-то время стояли молча, наблюдая за удачными и неудачными прыжками, и вдруг Рольф без всякой связи с предыдущим разговором спросил:

– Господин Вдовин, вам все было понятно в содержании документа?

Я сразу, конечно, понял, о каком документе он спросил, но вопрос Рольфа был настолько неожиданный, что я на какое-то мгновение даже растерялся. И это при том, что я знал: рано или поздно, но разговор об этом документе обязательно состоится, вот только я и предполагать не мог, что доброжелателем окажется именно Рольф.

– Простите, какой документ вы имеете в виду? – спросил я, чтобы выиграть время и обдумать свой ответ.

– Тот, который я подсунул под дверь вашей квартиры, – с улыбкой ответил Рольф.

– Так, значит, это вы? – еще раз переспросил я, продолжая следить за тем, что происходит в манеже.

– Я, господин Вдовин, – подтвердил Рольф. – Надеюсь, он оказался для вас полезным?

Не отвечая на его вопрос, потому что признание полезности такого документа, как график ведения наблюдения за сотрудниками советского посольства, расшифровывало меня как сотрудника разведки, я, руководствуясь исключительно профессиональным интересом, спросил:

– Почему вы это сделали?

Рольф, тоже продолжая следить за тем, как всадники поочередно преодолевают препятствия, ответил:

– У меня были серьезные основания так поступить.

– А все же? – настаивал я.

На этот раз Рольф ответил не сразу. Сначала он, видимо, обдумал, как объяснить мне мотивы своего поступка, и лишь потом сказал:

– Говоря по совести, я не испытываю особых симпатий к вашей стране. Но у меня есть кое-какие проблемы, и без вашей помощи мне их не решить.

Несмотря на откровенность, меня такой неопределенный ответ совершенно не устраивал, и я снова уточнил:

– Какие проблемы, если не секрет?

Рольф понял, что, даже если это большой секрет, ему все равно не уйти от прямого ответа, но все еще колебался. Это было видно по его ответу:

– Поймите меня, господин Вдовин: в нашей среде не принято посвящать кого-либо в свои личные проблемы, но вам я готов сказать. Я попал в довольно стесненное материальное положение, и мне нужны деньги.

Мне следовало бы сказать, что ему надо быть не только готовым, но и просто обязанным дать точные ответы на все мои вопросы, если он хочет, чтобы я продолжал с ним этот разговор, но я ответил более деликатно.

– Если вы хотите, чтобы я вас действительно понял, постарайтесь давать более определенные ответы на мои вопросы.

– Хорошо, – уступил Рольф. – Видите ли, у меня появились дополнительные расходы, о которых я не хотел бы говорить по этическим соображениям. Вы мужчина и должны меня понять. Это связано с моей интимной жизнью...

Всего делов-то! Сказал бы прямо, что завел любовницу и теперь приходится ее содержать, а на семью и любовницу одного жалованья не хватает, а то ходит вокруг да около!

Но я решил не давить до конца, все равно мне пока приходилось верить ему на слово, а сказать можно что угодно. Потом все сказанное им придется тщательно проверять. Сейчас же меня интересовали более существенные вопросы, чем имя его любовницы и ее материальные запросы. И я задал первый из них.

– Ну и почему вы решили обратиться именно ко мне?

Рольф снова улыбнулся и сразу ответил:

– Во-первых, вы единственный советский человек, кото-

рого я знаю. А во-вторых, я считаю вас достаточно компетентным, чтобы помочь мне в решении моих проблем.

Я по достоинству оценил такт, с которым он подчеркнул свою осведомленность о некоторых сторонах моей неофициальной деятельности, но меня, естественно, сразу заинтересовал источник этой осведомленности:

– А откуда у вас такая уверенность в моей компетенции? И кто вы? Где служите? Кроме того, что вас зовут Рольф, я ничего о вас не знаю. Да и ваше имя я узнал только сегодня.

– Меня зовут Рольф Хансен, я старший инспектор, работаю в четвертом отделе УНБ. Я могу показать вам мое служебное удостоверение, но только не здесь и не сейчас.

– Хорошо, это успеется, – согласился я. – А что это за четвертый отдел? Чем он занимается?

– А разве вы не знаете? – удивился Рольф.

– Представления не имею, – солгал я и при этом даже не покраснел, потому что стоило мне покраснеть, и он мог подумать, что я не только знаю, чем занимается четвертый отдел Управления национальной безопасности, но и предположить, что среди его сотрудников у меня есть знакомые.

– Это контрразведка, господин Вдовин. Более того, – Рольф перешел на шепот, – это «русский отдел».

– Что значит – «русский отдел»? – снова спросил я, как будто впервые в жизни слышал такое название.

– Это значит, что он занимается советским посольством, а также посольствами ваших сателлитов.

– Вы хотите сказать, наших друзей по социалистическому содружеству? – уточнил я все с тем же невинным видом.

– Пусть будет так, если вам так удобнее – не стал спорить со мной Рольф, понимая, что от моего расположения к нему многое зависит.

– Ну и на что же вы рассчитывали, когда подбрасывали мне этот документ? – спросил я и впервые с начала этого разговора посмотрел Рольфу в глаза. – Что вы собираетесь делать дальше?

Рольф не отвел взгляда и ответил:

– Конечно, лучше всего было бы передать вам информацию один раз и сразу получить за это большую сумму. Но я, к сожалению, не располагаю такой информацией, я пока не начальник контрразведки. Поэтому мне приходится ориентироваться на долговременное сотрудничество, чтобы иметь возможность получать пусть и немного, но зато регулярно.

– А немного – это сколько? – спросил я, и, вопреки моему желанию, в моем вопросе прозвучали нотки заинтересованности.

– Я думаю, что буду вправе рассчитывать на сумму, равную моему месячному жалованью.

– И сколько же вам платят? – не отставал я от него.

– Пятьсот, господин Вдовин, – сказал Рольф и потупился.

Действительно, это было не так уж много для человека, который кроме жены собирался содержать еще и любовницу. Но стоит ли так рисковать ради этого удовольствия, вот в чем

был для него, да и для меня главный вопрос.

– Но ведь то, что вы сделали и намереваетесь делать в дальнейшем, – это большой риск! Не так ли, господин Хансен?

– Да, конечно, – согласился Рольф. – Но я надеюсь, что мы с вами сумеем организовать все надлежащим образом и избежим всяких неприятностей...

Это снова был тонкий намек на мою компетентность в таких вопросах, как поддержание конспиративной связи с источниками разведывательной информации.

– И все же – стоят ли ваши интимные проблемы того, чтобы так рисковать? – не унимался я со своими расспросами.

– В таком деле риск, конечно, неизбежен, но я надеюсь получить за него соответствующую компенсацию! – деловым тоном развеял Рольф мои сомнения по поводу его безопасности.

Мы некоторое время снова помолчали, наблюдая за тем, как наездники выполняют следующее предложенное им тренером упражнение. Со стороны наша задушевная беседа выглядела вполне безобидно: два заинтересованных зрителя наблюдают за тренировкой своих жен, только и всего!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.